

С. 5
Накануне: убийство Распутина
Мы продолжаем рассказывать о событиях, произошедших сто лет назад в России. И если главными «героями» прошлого номера были либеральные политики, то на этот раз главными действующими лицами будут крайние консерваторы и члены императорской семьи

С. 8
«Через просвещение и личный труд можно найти путь к пониманию произошедшей с Россией беды»
В редакцию пришло письмо от Людмилы Багрянской, праправнучки Елизаветы Богоявленской, сестры сщмч. митрополита Киевского и Галицкого Владимира

С. 8
Прежде чем покаяться, нужно опомниться
Лет десять тому назад, когда и общественная обстановка, и народные настроения были другими, и памятников Сталину еще не ставили, в городе Венёве на месте алтаря разрушенного Никольского храма, от которого осталась лишь знаменитая колокольня, поставили крест

Приложение «Регионы»
Христианству на территории Молдовы больше 1600 лет – со времен римской провинции Дакии в IV веке. Об истории и современной жизни Кишиневской митрополии, и прежде всего о наследии прп. Паисия Величковского, рассказывают члены Свято-Паисиевского малого православного братства

Тема номера Просвещение и покаяние

«Общаясь с вашими преподавателями и студентами, я вижу в них любовь к Церкви и к своему служению»

1 декабря в Российской академии образования прошел Актовый день Свято-Филаретовского института

М.В. Шилкина, Д.М. Гэгзян, Д.С. Гасак, профессор священник Георгий Кочетков, М.А. Наумова, З.М. Дашевская

В начале праздничного вечера прозвучали приветствия и поздравления

Иеромонах Геннадий (Войтишко), руководитель информационной службы ОРОиК:

«Дорогой отец ректор, члены профессорско-преподавательской корпорации, дорогие братья и сестры! Рад приветствовать вас от имени и по благословению председателя Синодального отдела религиозного образования и катехизации митрополита Ростовского и Новочеркасского Меркурия. И позвольте передать вам слова благопожелания и поздравления с сегодняшним прекрасным днем – Актовым днем. Владыка митрополит попросил меня лично пожелать Институту развития. Мы всегда призваны к тому, чтобы не стоять на одном месте, мы

всегда призваны к тому, чтобы служение наше Богу не замыкалось в четырех стенах наших храмов, общин, учебных заведений, а для того, чтобы мы свет Божий, правду Христову несли в мир. Свет Христов просвещает мир. Но услышат ли наше слово? Ответ на этот вопрос зависит от того, с каким сердцем мы пойдем в этот мир. И прежде чем мы скажем о Евангелии, это Евангелие люди могут и должны услышать в нашем сердце. Это сердце станет преображенным тогда, когда действие Духа Святого прикоснется к каждому из нас, и не в отдельности только, но в полноте наших общин, в полноте наших институций, наших организаций. И эта благодать Духа Святого и есть тот самый движитель, который позволяет нам развиваться.

Окончание на с. 3

Иеромонах Геннадий (Войтишко)

«Я до сих пор этой любовью живу...»

Интервью с письмоводительницей архим. Тавриона (Батозского) монахиней Олимпиадой (Иус)

Матушка Олимпиада, Вы говорили, что Ваши родители с Украины, а фамилия у Вас латышская – Иуса, как это получилось?

Наша фамилия была Евусь – так она по-украински звучала. Один дед у меня служил (в армии. – *Прим. ред.*) 25 лет, и когда он в отставку выходил, ему написали вместо Евусь – Иус, как будто знали, что я в Латвию приеду. А уже здесь в Латвии мне написали Иуса.

А что Вы можете рассказать о своих учителях, от кого Вы веру восприняли, кто Вас наставлял на этом пути?

Мы в Киево-Печерскую Лавру часто ездили, и там один архимандрит нам сказал: что вы так далеко ездите? У вас в Челябинске своих двое есть, у кого можно совета спросить. Так мы нашли тетю Полю и иеромонаха Игнатия. Тетя Поля

была семейная. В детстве ее вымолили бабушка и дедушка. Ее начали преследовать, а потом посадили в 1948 году. Но она ничего не подписала. И вызвали следователя из Москвы. Она уже в одиночной камере сидела и там она в окно Святую Троицу видела. А когда следователь вошел, он ее спросил: Вы не за дело сидите? А она: за дело – за веру! Потому что многие тогда говорили, мол, я ни за что сижу, время было тяжелое. А такой статьи не было – за веру. И он ей сказал: я Вас освобождаю, и освободил. Виктор его звали. Так вот она и говорила: как мне за него не молиться? Он меня освободил.

А второй был – иеромонах Игнатий, он был тайным монахом. Он когда принял постриг, то остался жить в своей деревне, на гармошке играл, и никто не знал, что он монах. Когда я его первый раз увидела, никто не знал, что это за старичка Лида привезла. А тетя Поля сразу в нем священника узнала и под благословение подошла. Так вот тетя Поля ему сказала: Господь дал дар, не зарывай его в землю! И он открылся и стал служить. Это в 1960-е годы было, храмы закрывались, слова не было. А он стал говорить проповеди, и его гоняли из храма в храм. И я за ним ходила, узнаю, где он служит, и иду туда. В то время никто из священнослужителей не говорил таких смелых проповедей, как он. Потом уже после смерти иеромонаха Игнатия я в его книжечке нашла запись: Олимпиада – 1000 поклонов. Вот как он за меня молился!

Когда тетя Поля из Челябинска уехала в Алма-Ату, я к ней часто летала за советом, она меня наставляла. На клиросе у нас тогда моя сестра Лида пела, и ей никто не рассказывал Устава.

Окончание на с. 4

Матушка Олимпиада с сестрами из Преображенского братства

Некабинетный богослов

Из Актовой речи зав. кафедрой богословских дисциплин и литургики Свято-Филаретовского института Д.М. Гэгзяна, посвященной памяти протопресвитера Николая Афанасьева (1893–1966)

Протопресвитер Николай Афанасьев как богослов, экклезиолог и канонист еще при жизни обрек себя на то, чтобы оказаться персоной пререкаемой. Судя по всему, обрекал он себя на это положение сознательно, и, что удивительно, критика звучала как от вполне ожидаемых оппонентов и недругов, которых внутри церковного сообщества обрести особенного труда ни для кого не составляет, так и со стороны людей сочувствующих. В частности, один из учеников о. Николая, протопресвитер Александр Шмеман, назвал его наиболее радикальным, наиболее систематичным – ну и, конечно, спорным представителем нового экклезиологического течения.

Со временем, однако, появилось еще более интригующее обстоятельство, а именно то, что экклезиология о. Николая стала встречать критику от своих прямых наследников и продолжателей – как тоже иногда бывает, но не часто, – уже за *недостаточную* последовательность и решительность, *недостаточный* радикализм. Например, нынешний декан Свято-Владимирской семинарии протоиерей Иоанн (Джон) Бэр, по его собственному признанию, выросший на идеях о. Николая и привыкший принимать их как должное, о месте его наследия говорит сегодня приблизительно так: «Хорошо, что моя жизнь захватила XXI столетие, поскольку я с чистой совестью могу говорить о концепции о. Николая как об *экклезиологии прошлого века*».

Еще порой говорится, что экклезиология о. Николая – это чисто академическая реконструкция, пусть и точная, но практически кабинетная, неприложимая к церковной действительности, а потому и представляющая несомненный научно-богословский интерес, но едва ли хоть какой-то практический. Дальше следуют обычно заявления, что после такого признания надо идти вперед, и возникает вопрос: куда и как идти? Таким образом, возникнув как явное новшество, свежее, прежде с такой ясностью и упорядоченностью не звучавшее ученое слово о Церкви, богословие о. Николая всего через полвека рискует перейти в категорию теорий, со дня на день ожидающих своего замещения чем-то более ёмким, продвинутым и целостным. И это при том, что еще в довоенное время говорить о такой богословской дисциплине, как экклезиология – будь то экклезиология католическая, православная или, например, древневосточная дохалкидонская – не приходилось вовсе, то есть таковой академической дисциплины, напомним, просто не существовало. Это не значит, что не было богословия церкви, соответствующих богословских рассуждений и конструкций. Но очевидно, что не существовало такой дисциплины как вполне оформившейся, и о. Николая по праву провозгласили в 1960-е годы ее создателем.

Окончание на с. 6,7

Александрийская православная церковь намерена восстановить институт диаконис, существовавший в первые века христианства

Такое решение принял ее синод, сообщает официальный сайт Александрийского патриархата.

Члены синода, собравшиеся в патриаршем центре Александрии под председательством патриарха Феодора II, рассмотрели этот вопрос 16 ноября. За докладом митрополита Камерунского Григория, который отметил, что служение диаконис будет миссионерским, последовало длительное и подробное обсуждение.

В результате Александрийская иерархия высказалась за возрождение института диаконис. На заседании был сформирован комитет в составе трех архиереев, которому поручено самым тщательным образом изучить этот вопрос.

Благовест-инфо

В Болгарской церкви епархиальные выборщики и члены Синода выбрали нового митрополита

Выборы были назначены после того, как 28 сентября решением Священного Синода Болгарской церкви по состоянию здоровья был почислен на покой митрополит Галактион (Табаков), перенесший инсульт и находившийся на тот момент на лечении в правительственной больнице «Лозенец».

2 ноября Синод Болгарской церкви утвердил список кандидатур для замещения вакантной кафедры. В него вошли восемь архиереев. 4 декабря в кафедральном соборе св. Димитрия в Старой Загоре состоялась Божественная литургия, после которой в специально отведенном помещении прошел первый тур выборов. 36 епархиальных выборщиков – по 6 от каждого благочиния – должны были отметить в бюллетенях имена двух иерархов. В следующий тур, по установленным правилам, проходят те архиереи, которые набрали более половины голосов выборщиков.

В результате большинство голосов выборщиков получили епископ Троянопольский Киприан, за которого было отдано 24 голоса, и епископ Месемврийский Иаков, получивший 20 голосов епархиальных выборщиков.

После завершения процедуры голосования был составлен протокол, подписанный всеми 36 участниками, который затем был направлен в Синод.

В завершение всей процедуры именно члены Священного Синода Болгарской церкви на заседании 11 декабря из двух представленных кандидатур выбрали иерарха, который вступит в управление Старозагорской митрополией. Им стал епископ Троянопольский Киприан (Огнян).

По материалам сайтов Рублев.com и Православие.by

Патриарх Кирилл навестил потомков русских эмигрантов в доме престарелых под Парижем

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл встретился в понедельник с потомками первой волны русской эмиграции во Франции, встреча прошла в Русском доме для престарелых в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

«С одной стороны, очень важно, что оказывается реальная помощь престарелым людям. С другой стороны, этот дом стал очень важным с исторической и культурной точки зрения – это как бы уголок русского мира. Замечательных

представителей русского мира собирал этот дом. Я счел потребностью души приехать сюда», – сказал патриарх.

Он подарил Русскому дому Казанскую икону Божией Матери.

История русской эмиграции в Сент-Женевьев-де-Буа связана с именем княгини Веры Мещерской (1876–1949) – дочери посла Российской империи в Японии Кирилла Струве и бывшей придворной фрейлины. В изгнании княгиня основала пансион для благородных девиц в Париже, и одна из ее выпускниц, девушка из знатной английской семьи Дороти Пейджет, купила подарок своей наставнице – усадьбу Коссонри с парком в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. Здесь в 1927 году княгиня Вера Мещерская основала Русский дом для престарелых.

В одном из помещений на первом этаже размещена часовня во имя святителя Николая, иконостас которой привезли из бывшего царского посольства. Росписи и остальное убранство храма были созданы руками пенсионеров. В

столовой разместили трон императора Николая II, на котором он восседал на открытии моста Александра III в Париже в 1900 году. Стены дома украшены портретами императорской семьи. Среди постояльцев дома представители известных фамилий – Бакунины, Васильчиковы, Голицыны, Толстые.

Сегодня Русский дом – закрытое элитное французское учреждение для престарелых на 80 человек, восемь комнат предназначены для пенсионеров с болезнью Альцгеймера. В доме проживает около 15 русских пенсионеров. Сохранились большая русская библиотека, архив русской эмиграции.

В связи с основанием дома престарелых мэрия выделила часть городского кладбища специально для захоронения русских. Сейчас на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа покоится примерно 15 тысяч русских.

Интерфакс-религии

Предстоятель Русской православной церкви совершил на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа молитву о соотечественниках, скончавшихся вдали от Родины

5 декабря Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, совершающий пастырский визит в Корсунскую епархию, посетил русское кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, где нашли упокоение соотечественники, скончавшиеся вдали от Родины и погребенные на французской земле.

В Успенском кладбищенском храме предстоятеля Русской православной церкви приветствовал управляющий Архиепископией православных русских церквей в Западной Европе архиепископ Хариупольский Иоанн.

Святейший патриарх Кирилл в своем слове, в частности, сказал: «Для меня посещение русского кладбища Сент-Женевьев-де-Буа всегда является событием, связанным с особыми переживаниями. Здесь лежат замечательные представители нашего народа, цвет русской интеллигенции. Осознавая, что они далеко от своей родной земли, понимаешь, какая трагедия произошла в жизни нашего народа: разделенная страна, разделенный народ, потеря тысяч и тысяч человеческих жизней, изгнание лучших представителей нации за рубеж – все это являлось следствием трагического события, столетие которого мы будем вспоминать на будущий год. Эти сто лет были очень трудными в жизни нашего Отечества: и гражданская война, и репрессии, и страшные войны с внешним врагом, и трудности, связанные с экономическим состоянием страны, с политическим положением в мире. Все это печатью лежит на истории нашего народа в последние сто лет.

По милости Божией сегодня Россия возрождается. Произошло гражданское примирение людей. В прошлое ушло противостояние «красных» и «белых».

Люди сознают себя единым народом и строят новую Россию не на пустом месте и не на развалинах, а на богатейшей тысячелетней традиции. И в центре этой традиции – духовная жизнь нашего народа, вера Православная.

Сегодня наши молитвы – о том, чтобы жизнь нашего народа становилась лучше духовно и материально, чтобы окончательно были излечены все раны разделений XX века, в том числе и раны, которые еще каким-то образом присутствуют на теле русской эмиграции. И особенно необходимость духовного единства русских людей за рубежом осознаешь, посещая это святое место.

Сегодня ровно восемь лет со дня кончины моего блаженнопочившего предшественника Святейшего Патриарха Алексия II, вместе с которым я посетил это место во время его визита во Францию в 2007 году. Поэтому сегодня наши молитвы о тех, кто покоится на сем кладбище, будут также сопровождаться молитвой и о покойном Святейшем патриархе Алексии. Да упокоит Господь души всех, кто лежит здесь, и души всех православных христиан».

Его Святейшество поблагодарил архиепископа Хариупольского Иоанна за добрые слова и приветствие от имени Святейшего патриарха Константинопольского Варфоломея, пожелав иерарху помощи Божией в его служении и поделившись воспоминаниями о соработничестве и братском общении с владыкой Иоанном в разные годы.

Пройдя в крипту Успенского храма, где покоятся тела митрополита Евлогия (Георгиевского), митрополита Владимира (Тихоничского), епископа Кассиана (Безобразова), Святейший патриарх Мо-

Кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Русские могилы

сковский и всея Руси Кирилл совершил заупокойную молитву.

Далее на кладбище была отслужена лития, за которой возносились молитвы об упокоении приснопамятного Святейшего патриарха Алексия II, «всех на месте сем погребенных архиереев, пастырей, всех православных христиан, вдали от отечества своего в вере скончавшихся», а также детей, погибших в страшной автокатастрофе, случившейся 4 декабря на трассе Ханты-Мансийск – Тюмень.

По окончании поминальной службы Святейший патриарх Кирилл посетил могилы знаменитых русских соотечественников, захороненных в этом некрополе, в том числе протоиерея Сергия Булгакова, историка Церкви А.В. Карташова, иконописца и богослова Л.А. Успенского и других.

Патриархия.ру

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Газета издается с октября 2002 г.
Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne Ste Genevieve
Телефоны распространителей Москва:
+7-910-421-64-60 (Анна Гринман),
+7-903-100-93-73 (Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)
Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-11-37 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91 (Татьяна Благодарева)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11, (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)
США, Канада: 1-651-210-49-22, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.
Отпечатано в типографии «Бюрок», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 10 декабря 2016 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.
Дата выхода в свет 12 декабря 2016 г.

gazetakifa.ru

«Общаясь с вашими преподавателями и студентами, я вижу в них любовь к Церкви и к своему служению»

1 декабря в Российской академии образования прошел Актовый день Свято-Филаретовского института

Начало на с. 1

Это развитие в Духе Святом, это развитие в Церкви, это развитие в служении Христу и народу Божию пусть укрепляет и направляет вас, дает вам новые силы и вдохновение для того, чтобы то, что вы делаете, приносило пользу не только внутри ваших общин, вашего сообщества, но и всей полноте Церкви. Церковь заинтересована в том, чтобы как можно более яркие, интересные находки в области миссии и катехизации, образования имели возможность применять не только в столичном граде, но и повсеместно. У вас есть богатый опыт, у вас есть хорошие и действительно достойные успехи. И дай Бог, чтобы вы не останавливались в этом успешном движении и чтобы вся полнота Церкви могла пользоваться теми плодами Духа Святого, которыми Господь обильно вас одаряет. Храни вас Господь и Матерь Божья!»

Андрей Вячеславович Гусев, руководитель Учебно-методического управления Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия:

А.В. Гусев

«Уважаемый отец Георгий, уважаемые преподаватели, студенты Свято-Филаретовского института, уважаемые гости вечера, от лица ректора общецерковной аспирантуры митрополита Волоколамского Илариона я рад приветствовать вас в этот день и передаю от него самые искренние поздравления с вашим Актовым днем и днем памяти вашего небесного покровителя.

Для меня очень приятно уже второй год подряд представлять здесь наше учебное заведение и быть здесь вместе с вами.

Мы очень рады, что ваши выпускники учатся у нас в общецерковной аспирантуре. Нам всегда очень интересно с ними работать, потому что они не только хорошие студенты-аспиранты, не только отличаются особыми любовью и рвением к учебе (хотя по долгу своей службы я в первую очередь смотрю именно на это). Но чем больше работаю в церковном образовании, тем больше понимаю, что ценность любого учебного заведения отнюдь не сводится к тому, чему учат, как учат. Намного большую роль порой играет то, как воспринимает человек свое обучение. Я должен сказать, что ваши аспиранты и многие люди, которых я знаю – и присутствующие здесь в зале, и в целом относящиеся к братствам – искренне любят свое служение, любят

Церковь. И этот внутренний настрой мне очень радостно отмечать. Мне кажется, это одна из самых важных, ценных характеристик любого человека в Церкви. И я рад, что каждый раз, когда я бываю здесь и общаюсь с вашими преподавателями и студентами, всегда вижу в них именно такую любовь к Церкви и своему служению. Поэтому хочется пожелать, чтобы молитвами святителя Филарета и с Божьей помощью вас никогда не остав-

Протоиерей Сергей Гудков

ляли именно такие вот любовь к Церкви и желание искреннее служить ей, в чем бы это ни было: в учебе, в административных обязанностях и так далее».

Протоиерей Сергей Гудков, проректор Кузбасской духовной семинарии по воспитательной работе:

«Я приехал из Сибири, с Кузбасса, и являюсь преподавателем и проректором по воспитательной работе Кузбасской православной духовной семинарии и по совместительству регентом мужского хора. Я впервые на этом мероприятии, меня направил наш первый проректор, священник Андрей Мояренко. Он всем, кто его знает, и всем собравшимся передает свой горячий привет. И я бы хотел сказать два слова от себя лично. Мне хотелось бы всех вас от души поздравить с днем памяти святителя Филарета митрополита Московского, небесного покровителя вашего учебного заведения. И хотелось бы поделиться неким впечатлением. Я на это торжество прибыл на час раньше запланированного и стал свидетелем того общения, которое состоялось в кулуарах между студентами, выпускниками, учащими этого заведения. И стал свидетелем той любви и, действительно, христовцентричности вашей общины, о которой я вначале только слышал до сегодняшнего дня, а вот сегодня как раз сам окупнулся и был объят той любовью, с которой меня здесь приняли. И поэтому хотелось бы пожелать, чтобы эта любовь и Христос посреди этой общины – чтобы все это было, и продолжалось, и укреплялось. Мне вспоминается сравнение преподобного Аввы Дорофея о любви к Богу и ближнему, когда он изображает это в виде круга, где центр круга – это Христос, а радиусы, которые идут к этой точке – это жизнь каждого человека, его судьба, его путь. И чем ближе человек к центральной точке, тем меньше расстояние между радиусами. И напротив, чем меньше расстояния между радиусами, тем ближе расстояние к Богу. Поэтому хотелось бы пожелать благословенных успехов Вам, отец Георгий, и всем, кто Вас окружает на ниве миссионерства и катехизаторства. И желаю процветания Вам и Вашему учебному заведению».

От имени Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ ректора, профессорско-преподавательскую корпорацию и студентов СФИ поприветствовал **протоиерей Дмитрий Рошин**. Он, в частности, сказал:

«Церковь берет людей из мира. Еще святитель Игнатий Брянчанинов, когда

современных ему монахов ругали за то, что они сидят в монастырях, ничего не делают, коптят небо, говорил: ну мы же берем этих монахов из мира. И к великому сожалению, сегодня и в миру, и в церкви уровень просвещения крайне, крайне низкий. Все эти годы церковной свободы церковь прилагает колоссальные усилия (и мы видим, что Святейший патриарх в первую очередь прилагает колоссальные усилия), чтобы образовывать в первую очередь духовенство. Я служу в отделе по взаимоотношениям церкви и общества. Это не отношения людей в рясах и без ряс. Это прежде всего взаимоотношения мирян и мирян. У меня был хороший приход, который я собрал сам, своими руками. И я не бегал по улицам, не собирал людей. Каждый прихожанин привел другого человека за руку. Это было взаимоотношение церкви и общества. Но этого не могло бы быть, если бы те миряне, которые в церкви, не несли в себе некоего уровня теологического образования, любви, воспитания. Это то, что сейчас так необходимо. Поэтому такое замечательное учебное заведение как ваше, безусловно, сейчас выполняет самую важную функцию – образовательную. На нее направлены не только ваши усилия, а усилия всей церкви. Вы видите, что мы постоянно пытаемся развивать внутрицерковное образование. Растет количество духовных школ. Появилась достаточно успешная общецерковная аспирантура и докторантура. И дай вам Бог – потому что вы находитесь на ответственном участке – образовывать не только духовенство, но в первую очередь мирян. Потому что духовенства мало, а мирян очень много. И все эти миряне должны действительно прийти к единству».

Об итогах образовательной, научной, культурной и общественной деятельности Института в минувшем году рассказал первый проректор **Дмитрий Сергеевич Гасак**. Одним из главных результатов в области развития образовательной деятельности стало лицензирование магистратуры по теологии. Таким образом, сегодня в СФИ реализуются две основные образовательные программы по теологии – бакалавриат и магистратура. Также продолжается обучение по программам дополнительного образования по религиозоведению и теологии. В целом же на всех образовательных формах в СФИ сегодня обучаются 516 человек.

Среди научных итогов было отмечено завершение ректором СФИ многолетнего труда, начатого еще в стенах Ленинградской духовной академии в начале 1980-х годов. В результате разработанная отцом Георгием система воцерковления взрослых людей на сегодняшний день не только испытана многолетним практическим опытом, но и имеет завершенное теоретическое обоснование.

В минувшем году двое представителей СФИ – ученый секретарь доктор филологических наук Юлия Валентиновна Балакшина и заведующий кафедрой философских, гуманитарных и естественнонаучных дисциплин доктор философских наук Григорий Борисович Гутнер вошли в состав Экспертного совета по теологии Высшей аттестационной комиссии.

В мае Институт провел VII международную конференцию, посвященную вопросам подготовки людей к крещению и сознательной христианской жизни. В этом году на ней обсуждалась проблема различения керигматической проповеди и догматического учения о Христе. Конференция стала последней в многолетнем цикле «Традиция святоотеческой катехизации», и в 2017 году Институт планирует начать на своей ежегодной конференции обсуждение вопросов экклезиологии – православного учения о церкви.

Протоиерей Дмитрий Рошин

Совместно с Музеем Анны Ахматовой в Фонтанном доме и Преображенским братством Институт стал соучредителем международной конференции «Дружеский круг как начало соборности и солидарности в России», а также выставки «Я весть Твоя», посвященной памяти матери Марии (Скобцовой), в Санкт-Петербурге.

Институт провел XXII Сретенские чтения и выступил соучредителем фестивальной площадки «Образование после постмодернизма» в рамках фестиваля «Преображенские встречи. Имеющие надежду». На кафедрах института работали продолжающиеся конференции и круглые столы с участием ведущих российских ученых, такие как «Физика и богословие», «Религия в публичном пространстве» и другие.

Институт выпустил ряд новых учебных пособий, в их числе – «Философия: античные мыслители» Григория Борисовича Гутнера, курс лекций «Современные проблемы каноники и экклезиологии в Русской православной церкви» протоиерея Павла Адельгейма, над которым он продолжал работать до последних дней своей жизни, и другие. Продолжил выходить кварталный научный журнал СФИ – альманах научных работ преподавателей и студентов «Свет Христов просвещает всех».

В течение года студенты СФИ осуществляли волонтерскую помощь в больницах, хосписах, детских домах и домах престарелых в Москве и других городах.

На сегодняшний день 18 членов профессорско-преподавательской корпорации, 10 студентов и 32 выпускника Института являются действующими катехизаторами, помогая людям обрести живую и действенную веру в Бога, человека и Церковь.

Актовый доклад «“Церковь Духа Святого” в богословском наследии протопресвитера Николая Афанасьева» прочитал заведующий кафедрой богословских дисциплин и литургики СФИ кандидат филологических наук Давид Мкртичев Гзгзян (*текст доклада в незначительном сокращении читайте на сс. 1,6,7*).

Актовый день завершился подарком от Ассоциации выпускников и студентов СФИ – концертом струнного квартета «Гелеос».

В новости использованы материалы сайта СФИ

«Я до сих пор этой любовью живу...»

Начало на с. 1

Я тете Поле сказала, что вот если бы я знала, как нужно, я бы всем рассказала. А она сказала: будешь! Она же мне и сказала, чтобы я стояла на службе между клиросом и амвоном и училась. И когда я в Тобольск приехала, они меня в храме преподобного Серафима Саровского сразу на клирос поставили и удивлялись, что я весь Устав знаю.

Матушка, а Вы как-то рассказы-вали, что о. Таврион никого не постригал, что это запрещено было тогда, а за ним следили. А Вас ведь он постриг? Почему?

А я ведь когда к нему приехала, уже много испытаний прошла. Он видел мой путь исповеднический. У нас в Челябинске тогда один только храм был, тесно. Вот мы к тете Поле (она тогда в Алма-Ате уже жила) прилетели спросить, есть ли воля Божия нам храм хлопотать. Она говорит: да!

Но сразу я не знала с чего начать. Вот стояла как-то в храме на литургии и думала: почему так легко молиться сегодня? А потом вышел из алтаря архимандрит Всеволод. Всегда так легко молиться рядом с человеком, у которого на сердце любовь бескорыстная. И я пошла к нему на прием, чтобы спросить совета. А он на меня смотрел – кто я? Тогда много осведомителей было. Предлагали сотрудничать в обмен на карьеру (должности), и многие соглашались. И митрополит наш нынешний тоже. Он ведь еще священником не был, когда к о. Тавриону попал. И о. Таврион ему сказал: «Ты даже не представляешь, кем ты будешь!». А потом, когда митрополит Леонид (Поляков) болел уже, к нему пришли и сказали: только этот! А что он мог, лежал уже больной, как он мог противиться им?

Так вот, архим. Мефодий мне сказал тогда только адрес Патриархии Московской. Он же не знал, кто я, а тогда нужно было разбираться – кто осведомитель, кто нет. Он меня тогда только спросил – от кого Вы веру восприняли? Я задумалась – от мамы или от папы, а он сам ответил – от мамы. А я и правда в основном с мамой была. С папой редко.

В последний раз, когда я папу провожала на вокзал – он уезжал в сельскую местность, там сестра жила – он со мной не разговаривал совсем, мы по дороге шли молча. А он уже болен был, как потом оказалось. Он там заболел, и когда его в больницу привезли, у него крупозное воспаление легких оказалось, а его еще и помыли там. Вот к утру его и не стало. Мы еще этого не знали, а ночью мне сон приснился, ясный такой – что он поет, и Сама Божия Матерь его встречает. Он же был псаломщик. У него был очень красивый голос. Когда церкви были закрыты, они собирались и сами служили и пели на два хора. Так один хор – это папа был. Он сестру брал с собой. Вот однажды Пасхальная служба была, и сестра потом спрашивает – кто так красиво пел? Это папин голос она не узнала. А потом его арестовали за то, что народ собирал. А маму со всеми детьми в ссылку отправили...

Тетя Поля благословила храм хлопотать нас троих: меня, одну сестру, которая во время войны на фронте медсестрой была (вот она и шла везде первая, потому что бойкая была), и еще одну, которая наши письма на машинке печатала. А я их сочиняла. Вот так мы и ходили втроем – они молились, а я говорила. Я думала, как это делать, и пошла в библиотеку техническую. Атеистическую литературу нашла, а там так все ясно написано – что нужно, мол, двадцатку собрать. Пришла к уполномоченному и все выложила. А он на меня смотрит и думает: откуда она такая взялась? «Где Вы это все узнали?» – спрашивает. Я ему и сказала – в библиотеке прочтала, в такой-то книге. Но я не все успела прочитать. На следующий день пришла, а он, видимо, позвонил, и корешки этих книг убрал. А я корешки сохранила, показала их, и мне эти книги принесли. Так вот этот уполномоченный мне при первой встрече сказал: много обуви порвете, а ничего не добьетесь. Интересно, жив ли он сейчас, посмотрел

бы, сколько сейчас в Челябинске храмов открыли. После того разговора он меня не однажды вызывал, ему было со мной интересно беседовать. Раз я вышла от него и, не думая, пошла в другую сторону от дома. Так было тяжело эти разговоры выдерживать, чтобы ничего лишнего не сказать. Но потом уже мы втроем ходили.

А потом мне разбор на работе устроили – на собрание вызвали. И сняли с меня «ударника труда». А «ударникам» нужно было все время какие-то «рационализаторские предложения» писать – выдумывать, значит. У меня тогда работал мой бывший ученик, так он, когда узнал, давай смеяться! Говорит, они же вам жизнь облегчили, ничего выдумывать не нужно. С начальником моим на работе тоже разговаривали (мы с ним в институте вместе учились): что это ты с ней плохо работаешь, не воспитываешь ее? А он и говорит: у меня по работе к ней никаких претензий нет, а остальное – не мое дело.

Так вот, мы храм хлопотали, и я подумала: нужно к нашему владыке Клименту на прием в Свердловск (нынешний Екатеринбург) попасть. Потом я у него была на послушании немного. Я ему сказала: простите, владыка, я одна жила, готовить не умею. А он мне в ответ: и я один жил, поэтому готовить умею.

Я тихонько приезжала к архиепископу Клименту. За ним страшная была слежка. Он нам говорил: радость уже то, что вы не положили голову на плаху и не ждете, что сейчас топор опустится. Потом он поехал в дом, где царских мучеников убили, и заболел, и вскоре умер в больнице. Тетя Поля потом мне открыла, что и меня хотели посадить, но Господь уберет. Когда я уже к о. Тавриону уехала, уполномоченный меня долго искал. Интересовался, куда я делась...

Это владыка Климент мне дал первую книгу – «Иліотропіонъ, или сообразование человеческой воли съ Божественною волею» митрополита Иоанна Тобольского¹. Я ее читала, поддерживала она меня. Я потом спросила у тети Поли, надолго ли он мне ее дал, а она сказала: на всю жизнь! И вот я подумала, что автор ее, митрополит Иоанн Тобольский, тут рядом, и я полетела к нему в Тобольск. В то время из Челябинска в Тобольск можно было поездом или самолетом добраться. Я самолетом решила лететь – так все рассчитала, чтобы на работу успеть. Приезжаю в аэропорт, а мне говорят – билетов нет. Я стою и не знаю, что делать, молюсь. Женщина в кассе мне говорит: что Вы стоите, я же Вам сказала – билетов нет. А я ей: Вы нажмите на кнопку, посмотрите – может, есть. Она плечами пожала, нажимает, а там билет. Приехала я в аэропорт и думаю: прилечу в Тобольск, а куда идти-то – не знаю. Смотрю, женщина сидит пожилая. Спросила у нее, и оказалось, что она тоже туда же, к владыке.

Потом мне Лида написала об о. Таврионе, и я к нему в Пустыньку ездила. Приехала и рассказываю ему все это, а он улыбается. Думаю, чему он радуется? Потом поняла: он всегда радовался, что есть еще люди в церкви, которые за нее борются. Он мне тогда сказал: сама ничего не делай, Господь укажет путь. И я вернулась в Челябинск, на работу. И все не было покоя, хочу к владыке в Тобольск.

Я поехала к владыке Клименту спросить – есть ли мне воля Божия оставить работу. Он сразу мне не сказал, и я ждала и думала, что если нет, то я не перенесу этого. А потом он сказал: да. Я от радости хотела к нему в ноги пасть, но он меня удержал и сказал, что сам митрополит Иоанн тебя вымолил.

Так я в Тобольск – в место нашей ссылки – через сорок с лишним лет попала. Когда мы в ссылке были, все храмы были закрыты, только в одном служили – Семи отроков (Ефесских. – *Прим. ред.*), редкое такое название – на кладбище. Там очень тесно было, потому что ссыльных много. Я все время на улице выбегала посидеть. Сколько мне лет было? Лет шесть или семь. И маму во время литургии спрашивала – долго еще? Когда служба закончится? А она говорила: не-

долго, вот «Верую...» пропоют, и конец. А это сколько еще потом, это ж только середина службы! Вообще мама меня научила двум вещам: ежедневно Евангелие читать (я ей каждый день читала, потому что она неграмотная была), и благоговейному отношению к молитве.

В Тобольск ехать меня благословил архиеп. Климент (он был Оренбургский). Я когда к о. Тавриону поехала, то его благословение не сняла, и очень мучилась от этого. И о. Таврион меня отпустил съездить к владыке, все равно жилье мое в Елгаве еще не готово было. А владыка меня утешал, что ничего – все ведь Богу служим.

У о. Тавриона мы когда разговлялись на Рождество, он обычно сидел во главе стола, а я напротив, с другой стороны. Он и говорит – ее к нам Сам Бог послал. Как мне тяжело тогда стало. Сколько в меня стрел полетело в тот момент! Про меня говорили, что я сильно отличаюсь от предыдущих письмоводителей. Они все паломников делать просили, убрать что-то и т. д. А я очень хорошо понимала, что такое приехать к нам в Пустыньку, какие люди приезжали измученные. Я же на месте, поэтому старалась делать все сама. Потом меня о. Таврион в инокиню постригал и сказал: будет больше!

В Пустыньке была одна монахиня, она была приставлена топить у о. Тариона, когда он раз в неделю ванну принимал. Вот однажды он ей сказал протопить, а она не идет. Я и говорю, давайте я пойду, чтобы меня научили, и потом буду сама Вам топить. Только сказала, смотрю, летит она. Кто ей сказал... Она все на меня наговаривала: даже паломникам, которые еще ничего не знают, говорила, указывая на меня – с ней не общайтесь, ей нельзя доверять. Отец Таврион ее все время брал в поездки, когда ехал что-то купить. Многие не понимали, почему. А потом он так ей по носу шелкнул и говорит: пять лет на тебя потратил – и все зря!

И там у о. Тавриона с нами один осведомитель жил. Я не понимала тогда – как это возможно, что его фотография на доске почета висит – и к нам он приезжает. Как-то провожала его, а потом вернулась, и о. Таврион мне говорит – ты с ним не общайся...

Еще помню, к о. Тавриону монахиня приезжала Ирина. Ее Кукша² постригал. Она, когда к нему приехала, уже к тому моменту пострадала немало, и он ее сразу в схимну постриг. Она смутилась: ей всего 24 года было, молодая, а он говорит: не могу Божией Матери противиться. Сама Божия Матерь тебя постригает. И Кукша благословил ее никогда монашеской одежды не снимать. За это она много пострадала. Когда в заключении была, то с нее хотели эту одежду снять, набросились на нее, а она как закричит, и все заключенные за нее вступились. Когда она к о. Тавриону приехала, то он меня послал помочь ей устроиться, воды принести. И мы с ней долго разговаривали, она рассказывала о своей жизни. Я потом думала: батюшка недоволен будет, что он так долго с ней была, а он ведь знал, куда меня посылал.

Вот так, один за одним, святые помогают...

Матушка, что Вам больше всего запомнилось из общения с о. Таврионом, что Вас вдохновляет, поддерживает сейчас?

У о. Тавриона я была с конца 1976 года и до 1978 – до его кончины. Самое главное воспоминание: он был весь исполнен любви. У него была такая любовь к людям, думал все время, как и чем еще можно им помочь. Я до сих пор этой любовью живу... До сих пор помню, как он выходил и говорил мне так ласково: «Будем принимать!» Не могу передать эту интонацию. Мне так радостно становилось на душе. В то время нигде так не принимали, как у нас. А люди уже выстроились веревочкой к нему на прием и ждут. И они могли свободно так все ему рассказать, ничего не боясь. Поэтому и ехали в Пустыньку со всей страны, что там общение было.

И еще он говорил, что если священник служит Богу, то люди, даже если он не будет у них ничего брать, ему через забор набросают. Вот о. Тавриону и «бросали через забор» – и посылки присылали с продуктами, и деньги... Каждый день он давал мне 150 рублей для тех, кто потребляет (алкоголь. – *Прим. ред.*). Когда они приходили, его не было обычно. Так вот, если они не придут, и мы никому не подали, то говорил – день прожит впустую.

Основной упор у батюшки был на чтение Священного писания. Было время, что духовной литературы не было, и народ окаменел. Вот батюшка и призывал к чтению Писания и непрестанной молитве: «Непрестанно молитесь – грешить не будете! В Писании ведь ясно сказано: Имя Господне призову... А имя Господне – это что? Иисус. Значит, Иисусову молитву нужно читать».

Батюшка призывал молиться всей церковью. Если бы все молились в церкви, а не были бы только захожанами, нам бы легче было жить. Почему сейчас так развелась магия? На прилавках прямо лежат книги – мракобесие одно. Народ еще ничего не понимает и покупает эти книги, а потом в храм идут. Почему мы, православные, дали возможность колдунам и мракобесам приходить в церковь? Как мы молимся? Почему-то при о. Таврионе их не было. Были осведомители, а не колдуны. И сейчас есть осведомители, только мы их не видим.

Сейчас самые благодатные условия для молитвы, но мы не умеем ими пользоваться. Нет у нас общей молитвы!

А о проповедях его помню, что он очень красочно говорил. Он так Евангелие раскрывал, что все сразу оживало. Например, про женщину кровоточивую. Там ученики Господа спрашивают: как нам узнать, кто тебя коснулся, так много народа? И сразу видишь перед глазами, сколько народу Христа окружает... А еще помню: про антихриста он говорил, что кто утром и вечером не молится (правильно не читает), тот уже антихрист. Вот это я почему-то запомнила.

Матушка, а у Вас что-то сохранилось от о. Тавриона, чем он пользовался?

Да у меня только и есть – его кружка! Когда его не стало, я пришла в его келью и увидела ее. А она с дыркой уже была, поэтому ее бы выбросили. Вот я ее взяла, мне ее запаяли, и я первое время пила из нее, а потом уже поставила... Отец Таврион нас вечером собирал всех. Каждый рассказывал, как день прошел, как исполнил послушание свое. Некоторые неправду говорили, а я думала: кому вы это говорите... Он же всех нас видит насквозь. Вот после этого о. Таврион к себе уходил и там пил из этой кружки. Кипяток в ней с кухни приносил и кусочки сахара бросал в чай. Поэтому, когда я эту кружку увидела у него в келье, уже после его кончины, то подумала, что надо ее забрать. Сколько дум над ней он передумал! И все о людях – как им лучше помочь.

(Кружку о. Тавриона матушка Олимпиада передала музею Преображенского братства. – *Прим. ред.*)

Кружка отца Тавриона

17 октября 2016 г.
Елгава, Латвия
Беседовала Иоанна-Яна Калниня

¹ «Илиотропион» (греч. Ηλιотρόπιον – подсолнечник) – труд святого Иоанна Тобольского (в миру Иоанна Максимовича Максимовича, 1651, Нежин – 6 (21) июня 1715, Тобольск), епископа Православной российской церкви, с 1711 года митрополита Тобольского и всея Сибири, известного своей миссионерской и богословской деятельностью. Труд, написанный в 1714 году, представляет собой перевод с латинского языка произведения немецкого писателя и проповедника Иеремии Дрекслея. – *Прим. ред.*
² Преподобный Кукша Одесский, Новый (1875–1964), схиигумен, чудотворец. – *Прим. ред.*

Накануне: убийство Распутина

Мы продолжаем рассказывать о событиях, произошедших сто лет назад в России. В декабре 1916 года их было немало, обо всех мы все равно рассказать не сможем, так что в этом номере мы ограничимся одним: совершившимся в эти дни громким политическим убийством. И если главными «героями» прошлого номера были либеральные политики, то на этот раз главными действующими лицами будут крайние консерваторы и члены императорской семьи.

Распутин

О фигуре Распутина до сих пор можно услышать разное (многое тут зависит от симпатий собеседника). Несомненным является то, что этот крестьянин из Тобольской губернии, не раз отправлявшийся в паломничество по святым местам (даже со своей женой он познакомился в одном из таких паломничеств), приехал в Петербург в 1903 году, в возрасте 34 лет, и остался здесь жить. В 1905 году его представили императору Николаю II как «человека Божия Григория».

В связи с его самозванным целительством и некоторыми сомнительными обстоятельствами жизни против него неоднократно выдвигалось обвинение в хлыстовстве. Дважды (в 1907 и 1912 году) проходило официальное расследование по поводу обвинения в его принадлежности к хлыстовской секте. Никакого официального осуждения оба раза не последовало, более того, в заключении консистории Распутин был назван «христианином, человеком духовно настроенным и ищущим правды Христовой». (И факт возбуждения дел, и факт оправдания рассматриваются разными людьми также по-разному.)

Существуют взаимоисключающие свидетельства о степени безнравственности его поведения¹ и исключительной силе влияния на внутреннюю и внешнюю политику Российского государства². Но каковыми бы они ни были на самом деле, фактом остается главное: к концу 1916 года в самых разных слоях общества утвердилось мнение, в одной из наиболее резких форм высказанное в письме А.Н. Голицыной (Родзянко), супруги председателя Думы, к княгине З.Н. Юсуповой 1 декабря 1916 г.: «Все назначения, перемены, судьбы Думы, мирные переговоры – в руках сумасшедшей немки³, Распутина, Вырубовой и Протопопова»⁴.

Болезнь наследника

Сегодня ни для кого не составляет секрета, что взаимоотношения Распутина с царской семьей во многом были связаны с тяжелой болезнью цесаревича Алексея. По воспоминаниям великой княгини Ольги Александровны (сестры императора), «Распутин определенно обладал даром исцеления. В этом нет сомнений. Я видела эти чудесные результаты своими собственными глазами, и не один раз. Я также знаю, что самые известные доктора того времени были вынуждены признать это. Профессор Федоров, находившийся на вершине своей деятельности, пациентом которого являлся Алексей, не раз говорил мне об этом; при этом все доктора крайне неприязненно относились к Распутину».

Однако о том, что наследник престола тяжело болен, знали очень немногие (даже сама Ольга Александровна узнала о том, что ребенок болен гемофилией и что Распутин способен снимать те тяжелые внутренние кровотечения, которые угрожали жизни мальчика начиная с младенческого возраста, то есть с 1904 года, только в 1912 году!)⁵. В воспоминаниях Пьера Жильера, наставника цесаревича, сохранилось описание эпизода, относящегося к осени 1912 года. Тогда состояние здоровья ребёнка настолько обострилось в результате случайного удара о борт лодки, что угроза смерти была близкой и реальной. В один из дней болезни наследника императрица зачем-то устроила званый вечер, на котором великие княжны Мария и Анастасия разыгрывали для приглашенных гостей костюмированные сцены из комедии Мольера «Мещанин

во дворянстве». Александра Федоровна сидела в первом ряду зрителей, старалась казаться оживленной, улыбалась, разговаривала с окружающими. Между тем по некоторым признакам Жильер видел, что и ее, и императора мучает страшное беспокойство. «...Наконец на следующий день, когда температура <у Алексея> дошла до 39,6 градусов и сердце стало очень слабо, граф Фредерикс испросил разрешения Государя публиковать бюллетени о здоровье: первый бюллетень был в тот же вечер послан в Петербург, – пишет Жильер. – Значит, потребовалось вмешательство министра Двора, чтобы решились открыто признать серьезность положения Цесаревича⁶. Почему Император и Императрица подвергали себя столь ужасному принуждению? Зачем, раз у них было только одно желание – быть подле своего больного ребенка, они заставляли себя показывать с улыбкой на устах, среди своих гостей? Дело в том, что они не хотели, чтобы стало известно, какой болезнью страдает

Однако «убитый» Распутин вскочил на ноги, закричал, взмахнул руками и бросился на Юсупова. На зов Юсупова прибежал Пуришкевич. Распутин, «хрипя и рыча», быстро переместился к запертой двери потайного выхода во двор и выбил её. Пуришкевич кинулся вдогонку и четыре раза выстрелил беглецу в спину¹¹. Дмитрий Павлович, Сергей Сухотин и доктор Лазоверт в закрытом автомобиле заехали за трупом, завернули его в холстину, погрузили в автомобиль и уехали к Петровскому мосту, где и скинули в реку. Вечером 1 января 1917 года стало известно, что тело Распутина было обнаружено в Малой Невке в ледяной проруби под Петровским мостом.

Первая реакция

Политические убийства, к сожалению, во все века являлись печальной реальностью общественной жизни. Но не так часто встречались государства и эпохи, в которые такие убийства воспри-

Несмотря на строгие меры, принятые властями для нашей полной изоляции от внешнего мира, мы тем не менее получали множество писем и обращений самого трогательного содержания. Нам писали с фронта, из разных городов и деревень, с фабрик и заводов; писали различные общественные организации, а также частные лица.

Приходили к нам и угрожающие письма от поклонниц и сторонников Распутина с клятвами отомстить нам за смерть «старца» и даже убить нас.

Великая княгиня Мария Павловна младшая, приехавшая из Пскова, где был расположен штаб командующего армиями Северного фронта, передавала нам свои впечатления. Она рассказывала, что в армии смерть Распутина вызвала огромное воодушевление и веру в то, что Государь теперь разгонит окружившую его распутинскую клику и приблизит к себе честных и верных ему людей»¹².

Но была и другая реакция. Вот как описывает переживания царской семьи Солженицын в «Красном Колесе»: «И ото всех прячась, будто затравленные изгой в этой стране, а не цари её, – хоронили Распутина ночью, при факелах, и сам Николай с Протопоповым, с Воейковым нёс гроб. И всё равно – не смягчалась Аликс до конца, так и осталось её сердце с тяжестью. (Одинокими прогулками она ездила теперь тосковать и молиться на могиле. А злые люди подсмотрели и в первые же дни осквернили могилу. И пришлось поставить там постоянную стражу – пока восстановится на том месте и закроется часовня).

Так страстные и настойчивы были от Аликс упреки в слабости, царской неумелости, – потрясло доверие Николая к самому себе. (А его-то и никогда не было прочного от юности, во всём он считал себя неудачником. И даже поездки по войскам, которые так любил, – убедился он: приносят тем войскам боевую неудачу). И даже маленький Алексей, ещё совсем не мешавший во взрослые дела, воскликнул в горе: “Неужели, папа, ты их не накажешь? Ведь убийцу Столыпина повесили!”¹³ И в самом деле: почему уж он был так слаб? Почему не мог он набраться воли и решимости – отца своего? Своего прадеда?

После убийства Григория тем более не мог Государь ни в чём идти на уступки своим противникам и обществу: подумали бы, что вот – освободился из-под влияния. Или: вот, боится тоже быть убитым».

Дом Романовых

То, что среди убийц Распутина оказались родственники императора, не было случайностью. Вся семья Романовых в начале XX века постепенно все больше и больше настраивалась против Николая II и Александры Федоровны. Причины для этого были и объективные (ошибки и недостатки императора и императрицы, оказывавшие все более негативное влияние на ситуацию в стране), и субъективные, а порой, возможно, даже корыстные. Позже князь В. Шаховской в своих воспоминаниях писал: «Заветной мечтой великой княгини Марии Павловны¹⁴ являлось видеть одного из своих сыновей¹⁵ на Российском Престоле». А вот как вспоминает один из разговоров с Марией Павловной конца декабря 1916 года М.В. Родзянко: «На другой день на завтраке у великой княгини я застал ее вместе с ее сыновьями, как будто бы они собрались для семейного совета... Великая княгиня стала говорить о создавшемся внутреннем положении, о бездарности правительства, о Протопопове¹⁶ и об императрице. При упоминании ее имени она стала более волноваться, находила вредным ее влияние и вмешательство во все дела, говорила, что она губит страну, что благодаря ей создается угроза царю и всей царской фамилии, что такое положение дольше терпеть невозможно, что надо изменить, устранить, уничтожить.

Желая уяснить себе более точно, что

она хочет сказать, я спросил:

– То есть, как устранить?

– Да я не знаю... Надо что-нибудь

Великий Князь Наследник. Я понял, что эта болезнь в их глазах имела значение государственной тайны»⁷.

Может быть, если бы в народе было известно и о болезни мальчика, и о способности Распутина помогать ему, близость «старца» к царской семье не казалась бы такой загадочной и противоестественной.

Убийство

В ночь на 17 декабря 1916 года Распутин бесследно исчез.

Сегодня подробности происшедшего широко растиражированы. Главными источниками информации являются воспоминания убийц: князя Феликса Юсупова⁸ и крайне консервативного политика, одного из лидеров монархической организации «Союз русского народа» и создателя «Союза Михаила Архангела» В.М. Пуришкевича⁹. В убийстве участвовал также двоюродный брат императора великий князь Дмитрий Павлович, главный врач Отряда Красного Креста капитан медицинской службы Станислав Сергеевич Лазоверт, поручик лейб-гвардии Преображенского полка Сергей Сухотин и, возможно, сотрудник английской разведки Освальд Рейнер¹⁰.

Распутин убили в полуподвальных апартаментах дома Юсупова на Мойке, куда «старец» приехал по просьбе хозяйки. По описанию Юсупова, он сначала угостил гостя отравленными эклерами и вином, налитым в бокал с цианистым калием. Яд не подействовал. Тогда хозяин выстрелил Распутину в сердце. Через некоторое время Лазоверт констатировал, что Распутин мертв. Дмитрий Павлович и доктор Лазоверт должны были отвезти Сухотина, переодетого «старцем», в открытом автомобиле Пуришкевича обратно домой к Распутину для того, чтобы обмануть агентов охраны, которые официально были приставлены для слежки за Распутиным. Затем, в закрытом автомобиле Дмитрия вернуться на Мойку, забрать труп и доставить к Петровскому мосту.

нимались бы не с сожалением, страхом и стыдом, а с шумным общественным одобрением. С конца XIX века в нашей стране все чаще проявлялась именно такая реакция – достаточно вспомнить оправдательный приговор и аплодисменты, которыми было встречено освобождение в зале суда Веры Засулич, покушавшейся на убийство и тяжело ранившей петербургского губернатора Трепова.

Из воспоминаний князя Юсупова об отношении к убийству Распутина (возможно, по понятным причинам степень ликования народа преувеличена, но в значительной своей части описание совпадает и с информацией из других источников): «Грандиозный патриотический подъем захватил Россию; особенно ярко проявлялся он в обеих столицах. Все газеты были переполнены восторженными статьями; совершившееся событие рассматривалось как сокрушение злой силы, губившей Россию, высказывались самые радужные надежды на будущее, и чувствовалось, что в данном случае голос печати был искренним отражением мыслей и переживаний всей страны. Но такая свобода слова оказалась непродолжительной: на третий день особым распоряжением всей прессе было запрещено хотя бы единым словом упоминать о Распутине. Однако это не помешало общественному мнению высказываться иными путями.

Улицы Петербурга имели праздничный вид; прохожие останавливали друг друга и, счастливые, поздравляли и приветствовали не только знакомых, но иногда и чужих. Некоторые, проходя мимо дворца великого князя Дмитрия Павловича и нашего дома на Мойке, становились на колени и крестились.

По всему городу в церквях служили благодарственные молебны, во всех театрах публика требовала гимна и с энтузиазмом просила его повторения.

В частных домах, в офицерских собраниях, в ресторанах пили за наше здоровье; на заводах рабочие кричали нам «ура».

Накануне: убийство Распутина

предпринять, придумать... Вы сами понимаете... Дума должна что-нибудь сделать... Надо ее уничтожить...

– Кого?
– Императрицу»¹⁷.

Позднее, после революции, оказавшись в эмиграции, младшая сестра императора великая княгиня Ольга Александровна в своих воспоминаниях писала: «Снова повторяю, виноваты мы все. Из троих сыновей дяди Владимира один был выслан за границу, второй, Борис, открыто жил с любовницей, а от третьего, Андрея, не было никакого проку. А ведь они были сыновьями старшего великого князя и по закону о престолонаследии стояли на третьем месте – после Алексея и Михаила. Не было никого из членов нашей фамилии, которые могли оказать поддержку Ники»¹⁸, за исключением, может быть, Сандро, моего зятя, да и там со временем начались неладьи: между Сандро и Ксенией¹⁹ появились серьезные разногласия. Какой пример мы могли дать своим соотечественникам? Ничего удивительного в том, что Ники, не находя нигде поддержки, стал фаталистом. Нередко, обнимая меня за плечи, он говорил: “Я родился в день Иова Многострадального. Я готов принять свою судьбу”»²⁰.

Спустя годы

Отношение к истинным и вымышленным ужасам и тяготам ситуации перед Российской катастрофой стало изменяться достаточно быстро. Уже в издании 1927 года Феликс Юсупов, отстаивая свое право гордиться совершенным убийством (и он, и Пуришкевич до конца жизни относились к себе как к «спасителям отечества»), писал:

«Теперь у многих взгляд на вещи настолько изменился, что убийство Распутина называют “первым выстрелом революции”, толчком и сигналом к перелому. Так ли это?

Ошеломленные ужасами русского бунта, измученные изгнаннической жизнью, русские люди многое забыли из прошлого.

Советская власть превратила нашу Родину в такой ад крошечный, что по сравнению с ним всякий иной строй, кажется райским блаженством. Владычество III Интернационала показало всему миру беспредельность преступления.

Перед советскими застенками, где вся техника XX века призвана для действия невиданному утонченному зверству физических пыток и душевных истязаний, меркнет все.

Подавленный этим кошмаром, русский беженец иногда склонен делать недопустимое сравнение коммунистической России с Россией дореволюционной и выводить такое заключение: “Пусть лучше было бы двадцать Распутиных, только бы не разрушалась прежняя жизнь”.

Ему кажется теперь, что самое сопротивление Распутину и его влиянию было революционным восстанием против государственного порядка и что если бы с Распутиным мирились и никто бы его не трогал, не случилось бы и страшного переворота, погубившего страну».

Великая княгиня Ольга Александровна в своих воспоминаниях пишет: «В убийстве Распутина не было ничего героического... Это было заранее обдуманное и невероятно подлое убийство. Вспомните два имени, какие и по сей день связывают с этим злодеянием. Один был великий князь, внук Царя-Освободителя, второй – потомок знаменитого рода, жена которого приходилась дочерью другому великому князю. Это ли не свидетельство, как низко мы пали!»²¹

Удивительно, но даже начальник английской секретной миссии в Петрограде С. Хор в русской эмигрантской газете «Возрождение» в 1936 году писал: «Я глубоко ошибался, полагая, что это убийство уничтожит “темные силы”. Я не понял, какую опасность представляет такой неожиданный удар, нанесенный скрипучим колесам государственного аппарата. Политическое положение приняло такой оборот и общественное мнение достигло такого болезненного возбуждения, что неизбежно такое событие должно было увеличить болезнь страны, вызвать еще большие страсти. Повторялась старая история “ожерелья Королевы” и убийства

герцогини де Прален. Когда политический кризис назрел, нет ничего более опасного, как преступление или политический скандал. В тот самый момент, когда надо было усилить авторитет власти, а не ослабить его, произошел взрыв, который поколебал до самых оснований структуру власти»²².

Я не буду писать о том, какие мифы родились спустя десятилетия, и включать в обзор крайние представления сторонников канонизации Распутина как «святого старца». Закончу лишь своим личным впечатлением от чтения дневника Пуришкевича. Подлинным он является или нет, но лейтмотивом повторяющаяся в нем тема «спасения России путем убийства» говорит о главном: такой ценой и такими средствами невозможно спасти. Только губить – даже если убитый действительно был исчадием ада. И это тем более очевидно для нас, хорошо знающих, что стало с Россией всего через два месяца после «спасительного» убийства.

Материал подготовила
Александра Колымагина

¹ Так, например, согласно материалам расследования Временного правительства, «выяснилось, что амурные похождения Распутина не выходят из рамок ночных оргий с девицами лёгкого поведения и шансонетными певицами, а также иногда и с некоторыми из его протестанток. Что же касается близости к дамам высшего общества, то в этом отношении никаких положительных материалов наблюдения и следствием добыто не было».

² Считается, что бесперывная смена членов кабинета министров в последние годы перед 1917-м является следствием влияния Распутина. Правда, со дня его убийства и до февральской революции (т. е. за два с небольшим месяца) в правительстве поменялись 6 человек из 13. Это, конечно, не противоречит возможно влиянию Распутина на те или иные назначения в предшествующее время, но говорит о том, что его влияние было как минимум не единственным.

³ То есть императрицы.

⁴ Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя Императора Николая II. М., 1995. С. 149–150.

⁵ Запись в дневнике великой княгини Ксении Александровны от 10 марта 1912 г.: «В вагоне Ольга [сестра] нам рассказывала про свой разговор с ней [Аликс]. Она в первый раз (курсив наш. – Ред.) сказала, что у бедного маленького эта ужасная болезнь и оттого она сама больна и никогда окончательно не поправится. Про Григория она сказала, что как ей не верить в него, когда она видит, что маленькому лучше, как только тот около него или за него молится. В Крыму, оказывается, после нашего отъезда у Алексея было кровотечение в почках (ужас!) и послали за Григорием. Все прекратилось с его приездом! Боже мой, как это ужасно и как их жалко».

⁶ В бюллетене не приводился диагноз.

⁷ Пьер Жильяр. Император Николай II и его семья.

⁸ Юсупов был родственником императорской семьи: его жена приходилась Николаю II племянницей. Умер он в эмиграции в Париже в 1967 году. Издал две книги воспоминаний: «Конец Распутина» (1927) и «Мемуары» (1953).

⁹ Умер в 1920 году в Новороссийске от сыпного тифа. В 1924 году в Риге издан его дневник конца 1916 – начала 1917 гг. Подлинность документа подвергается сомнению.

¹⁰ В 2004 году Би-би-си показала документальный фильм «Кто убил Распутина?». Согласно озвученной в фильме версии, российские заговорщики были лишь исполнителями, и контрольный выстрел в лоб Распутину был произведен из револьвера британских офицеров Webley 455. По мнению Ричарда Каллена, высокопоставленного сотрудника Минюста Великобритании, а также авторов издания «История британской разведывательной службы» Майкла Смита и Джона Ле Карре, Распутин был убит при активном участии британской разведслужбы Ми-6, т. к. Великобритания опасалась влияния Распутина на российский императрицу, что грозило заключением секретного мира с Германией.

¹¹ В качестве одного из доказательств «английской версии» ее сторонники подчеркивают, что этот рассказ никак не объясняет отчетливо видное на сохранившихся полицейских фотографиях пулевое отверстие в середине лба Распутина.

¹² Цит. по репринтному изданию: Юсупов Ф. Убийство Распутина. Профиздат, 1990. С. 20

¹³ Убийц действительно практически не назвали. Вел. кн. Дмитрия Павловича сослали на Персидский фронт в распоряжение генерала Баратова, Феликсу Юсупову было предписано выехать в свое имение Ракитное под Курском. Пуришкевич просто уехал на фронт к своему санитарному поезду.

¹⁴ Супруга Владимира Александровича, сына Александра II (и значит, дядя императора Николая II).

¹⁵ Трое сыновей Владимира Александровича, Кирилл, Борис и Андрей (четвертый умер в младенчестве) были двоюродными братьями Николая II.

¹⁶ Министр внутренних дел с сентября 1916 года. О нем еще будет речь в следующих номерах.

¹⁷ Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков, 1990. С. 201–202.

¹⁸ То есть Николаю II.

¹⁹ Имеются в виду великий князь Александр Михайлович и его супруга, сестра Николая II, Ксения Александровна.

²⁰ Воррес И. Последняя великая княгиня. Воспоминания. М., 1998. С. 271–272.

²¹ Мемуары великой княгини Ольги Александровны. М., 2003. С. 156.

²² Сэр С. Хор об убийстве Распутина // Возрождение. Париж. 1936. 14 января. С. 3.

Некабинетный богослов

Из Актowej речи зав. кафедрой богословских дисциплин и литургики С

Начало на с. 1

Д.М. Гэргян

Что же может означать это быстро меняющееся положение богословской мысли о. Николая на оси церковной истории? Мое выступление будет скромной попыткой отреагировать именно на этот вопрос.

Церковь одна

По неоднократно прозвучавшему признанию самого о. Николая известно, что отправной точкой для его систематических размышлений послужило очевидное несоответствие сложившейся церковно-канонической и сакраментальной практики вычитываемым из текстов Нового Завета хрестоматийным представлениям о Церкви Христовой. В своем самом известном труде «Церковь Духа Святого», своей докторской диссертации, о. Николай очень смело заявляет: «Наша церковная жизнь зашла в тупик, т. к. начала, которые проникли в нее в далеком прошлом, изжили себя и вызывают в церковной жизни одни только недостатки. Церковь рассматривается как организация, подчиненная целовеческим законам, и как организация отдает себя на служение человеческим задачам. Человеческая воля господствует в ней самой, и человеческая воля вне ее стремится обратить церковь Божию в средство для достижения своих целей. Никогда, может быть, сами верующие не отдавали так на поругание Невесту Христову».

Хотелось бы отметить, что такое вступление меньше всего характеризует его автора как «академического реконструктора». Ожидаемое усилие богослова-исследователя после подобного признания – выявление такой нормы бытия церкви в истории, которая бы в максимальной степени обнаруживала в себе именно Церковь Христову. По словам все того же о. Александра Шмемана, о. Николай Афанасьев «попытался через обращение к исторически первоначальному христианству заново, как бы с чистого листа, осмыслить природу Церкви и ее служение». Я бы отметил, что ключевое слово здесь «заново». Он проделал ровно то, чего столь систематическим образом не делал до него никто и никогда.

Но слово «заново» не должно производить впечатления, что о. Николай был абсолютным пионером, и его экклезиология возникла на пустом месте, без предпосылок. Это, конечно, не так, потому что он реагировал на уже вполне осознанную потребность церкви – понять самое себя в форме целостного учения. Отчетливым свидетельством этого выступают и «Церковь одна» Алексея Степановича Хомякова, и известные работы Николая Петровича Аксакова, и тем более разработки старшего современника о. Николая – протоиерея Сергия Булгакова.

Делом всей жизни о. Николая стало всесторонне выявить такую норму церковной жизни, которая имела бы вневременной и вселенский характер и опиралась бы при этом только на одно основание – Христа воскресшего, открывшего путь Утешителю в событии новозаветной Пятидесятницы. Предметом и его богословских реконструкций, и повседневных забот, главной темой его богословской мысли и церковного служения стала эта норма, которая в

состоянии была бы связать воедино мистическое Тело Христово и пополняемое историческое сообщество Его верных; явственно отделяющая мир Божий от мира сего; очерчивающая границы Церкви как области жизни, глядящей в вечность, от области существования под знаком смерти; собирающая учеников Христовых во единое Тело.

Дальше возникают вопросы, как и каким образом эту норму получить хотя бы в богословском исследовании. Для этого, вероятно, требовалось ответить на следующие вопросы: что собою представляет в искомом, нормальном случае Церковь в своем конкретном историческом виде? Как и по чему мы узнаем, что это *Церковь* по своему существу, а не по одному лишь наименованию? Как должна быть устроена жизнь сообщества, которое заслуживает название Церкви, в том числе формально?

Поскольку начинать лучше с вещей бесспорных, то для начала мы укажем на одну из констатаций о. Николая, в которой производится взаимное увязывание эмпирической и небесной, божественной действительности Церкви. Невидимое духовное существо Церкви становится видимым через её эмпирическую природу. Поэтому деление (именно как *разделение*) церкви на видимую и невидимую, так свойственное протестантизму, неправильно в том отношении, что оно разрывает сущность Церкви. Церковь едина, как един Христос – будучи видимой и невидимой в одно и то же время. В невидимой Церкви пребывает вся полнота Церкви, которая неразрывно включает в себя церковь видимую, но не сливается с ней, не поглощает ее, так же как и видимая церковь есть полнота Церкви, а не некоторая самостоятельная ее часть. Отсылки к известным размышлениям Алексея Степановича Хомякова в этом тексте о. Николая нет. Но всякому, кто знаком с работой «Церковь одна», очевидно, что это размышление о. Николая полностью созвучно идее Хомякова о принципиальной невозможности разделения церкви на видимую и невидимую, что церковь подлинная является видимой всегда – правда, с оговоркой, что видима она духовным оком. Слово о. Николая, что церковь эмпирическая выявляет Церковь небесную, стоит воспринимать ровно так же: «эмпирическая» в данном случае означает «данная в опыте». Но опыт этот духовный, а не психофизиологический: это не взгляд со стороны на институцию, на обрядовую сторону и т. д., перед нами идея Церкви, существующей в мистическом опыте ее членов.

Тут и открывается необходимость установить основополагающее свойство видимой церкви как Церкви Христовой. Иначе говоря, что делает видимую церковь таковой, на каком основании мы можем это утверждать, как это богословски оформить? И если разрывать, разделять церковь видимую и невидимую неверно, то что обеспечивает то их единство, которое констатируется о. Николаем?

Известно, что наиболее выразительной формулой для о. Николая стала цитата из Тертуллиана, которую он сделал названием основной из написанных им книг – «Церковь Духа Святого». Церковь не может быть не харизматичной, в церкви не может быть ничего от мира сего, подчиненного логике выживания. Поэтому нормативное самосознание всех членов церкви – всеобщее царственное священство народа Божьего, ибо это люди, «взятые в удел». За эти соответствия Первому соборному посланию апостола Петра о. Николаю в свое время много досталось, и до сих пор можно слышать, что он, хоть и почил православным священнослужителем, на самом деле «криптолутеранин», потому как чуть ли не повторяет за Мартином Лютером тезис про всеобщее священ-

Свято-Филаретовского института Д.М. Гзгзяна, посвященной памяти протопресвитера Николая Афанасьева (1893–1966)

ство. Эти упреки, конечно, происходят не от большого проникновения в дух и смысл изыскания о. Николая. Не буду вдаваться в подробности, но тут опускается одна важная деталь. Как бы формально ни соотносились друг с другом лютеранский взгляд на церковь и реконструкция о. Николая, одно безусловно: Лютера меньше всего заботила идея построения нормативной экклезиологии. В то же время для о. Николая Афанасьева всеобщее царственное священство – это принципиально важное размышление, которое касается природы церкви как таковой.

А раз церковь – это харизматическое сообщество тех, кто поставлен на царственное священство, дальше мы переходим вслед за о. Николаем к тому, когда и как происходит это поставление. Отец Николай вполне закономерно утверждает, что это посвящение на служение происходит только единожды, в момент крещения.

Евхаристическое собрание

Следующий вопрос – если это удел Божий, если это сообщество, которое объединено действием Святого Духа и только им, если это собранность во Христе, то как эмпирически эта собранность себя являет? И вот тут, собственно, и возникает то ключевое понятие, которое больше всего известно в связи с именем о. Николая Афанасьева: евхаристическое собрание. Каждое конкретное сообщество Христовых учеников, способное в едином духе благодарить Отца за Сына во Святом духе, является полноценным церковным сообществом, которое не нуждается ни в каком формальном или, более того, административном достраивании. То есть – если говорить просто – это совершенно полноценное явление Церкви. Я говорю о самом понятии евхаристического собрания – это приходится оговаривать, потому что слишком очевидно, что речь идет о норме, а не о фактической практике.

Естественно, допускается, что таких евхаристических собраний может быть неограниченное множество, и евангельский призыв «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» экклезиологически означает рождение множества локализованных собраний, каждое из которых есть полноценное историческое воплощение Церкви. По этой причине полнота церковная не может измеряться ни количественным составом членов собрания, ни территорией. Более того, полнота никак не возрастает, если эти собрания станут осознавать себя частями некоего целого.

В каком отношении друг к другу находятся эти евхаристические собрания? Если каждое из них «самодостаточная единица», если они не нуждаются ни в каком достраивании, то не будет ли это означать, что они способны существовать изолированно, и более того, что такая изолированность предполагается самой природой этих собраний? Оказывается, что совершенно наоборот; о. Николай Афанасьев решительно отвергает такую возможность. Почему? Потому что та природа этих собраний, о которой речь шла выше, абсолютно харизматична, а харизма Церкви не позволяет замыкаться в своих границах. Харизма Церкви – это общение во Святом Духе, следовательно полноценность местного евхаристического собрания парадоксальным образом означает, что оно принципиально открыто общению со всякой другой себе подобной (в духовном смысле подобной, а в культурно-исторически, возможно, весьма не похожей!) общиной. По этому поводу о. Николай не раз приводил свой, наверное, любимый исторический пример о том, как нашли примирение Аникита Римский и Поликарп Смирнский от-

носительно дня празднования Пасхи. Его любимая констатация – что при вопиющем несоответствии всех формальных сторон празднования Пасхи эти две духовные величины нашли духовную же способность усмотреть друг в друге братьев во Христе. Там было много и других расхождений, трудно сказать, что там формально совпадало. Совпадало только одно: и в одном и в другом варианте усматривалась Церковь Духа Святого. Но это нужно было увидеть. И о. Николай констатировал, что они оказались способны это увидеть, в отличие от своих наследников*.

Рецепция и власть

Здесь возникает еще одно понятие, введенное Р. Зомом, но активно используемое о. Николаем: рецепция. Сквозная рецепция определяет значимость для Церкви любого явления и события церковной жизни, будь то собор, внедрение какой-либо практики, характер и плоды учительства, наконец, пророчество. Рецепция, таким образом, – это еще одно выражение харизматической природы Церкви, которая должна про-

иного образа жизни – образа жизни мира сего. Не случайно своим основным трудом отец Николай Афанасьев полагал даже не «Церковь Духа Святого», а труд, который собирался написать, – он должен был называться «Границы Церкви». К сожалению, сохранился только набросок, даже не развернутый тезисный план. Остается только сожалеть, что это не осуществилось, потому что сознание границ Церкви принадлежит к основополагающему харизматическому усилению Церкви в распознавании самой себя. Способность не смешиваться с тем, что Церковью не является, – это закономерное выражение действия Духа Святого, столь же закономерное, как и власть Любви.

Итак, мы получаем некоторое количество параметров церковной нормы: действие Духа Святого, власть любви, сквозная рецепция, которая позволяет общинам безбоязненно взаимодействовать друг с другом в этом действии Духа Святого и власти любви. И все это вкупе создает благодатную способность блюстительства своих границ. Вот вкратце реконструкция о. Николая.

Протопресвитер Григорий Ломако, протопресвитер Николай Афанасьев, архимандрит Киприан (Керн)

Что же дальше

Остается только один тяжелый вопрос: что можно сделать для того, чтобы этот портрет нормативного церковного сообщества не остался бы сугубо идеальным (в платоновском смысле)? Вот на этот вопрос отец Николай Афанасьев и не дал ответа и, судя по всему, и не пытался. Но не потому, что он был исключительно кабинетным и академическим богословом. Если мы просто посмотрим на названия многих его статей, то увидим, что перед нами человек, который как раз живо интересовался многочисленными проблемами, связанными с эмпирическим выражением Церкви в современных ему реалиях, который буквально болел ими: «Большой город», «О церковном воспитании», «О дисциплине», «Проблема истории в христианстве», «Христианство и социальный вопрос». А количество размышлений и работ, посвященных соотношению канона и догмата, неизменному и временному в церковных канонах и прочие просто само по себе свидетельствует о том, что эмпирическая церковная жизнь в своей фактичности была главной заботой отца Николая. Но тем не менее не прямо поставленный вопрос в том виде, в каком он только что прозвучал, у отца Николая Афанасьева ответов нет, нет даже попытки на него реагировать. Можно только, чтобы не сөтовать,

попробовать предположить, почему это так.

Я полагаю, что отец Николай остановился в этой определенной точке не случайно. И так уже удивительно, что человек, скорее всего, никогда не знавший в своем личном опыте реконструированного им евхаристического собрания, сам же положил его в основание исторического существования Церкви. Можно поэтому считать, что экклезиология отца Николая принадлежит больше прошлому, чем будущему, но это такое прошлое, которое правильнее всего было бы назвать непреходящей по своему значению богословской классикой. Можно было бы признать, что промежуточное, срединное положение богословия отца Николая, о котором говорилось выше, тоже закономерно. Да, оно оказалось безусловной вехой в истории церковной саморефлексии и в этом качестве останется явлением совершенно уникального значения, которого никогда не потеряет. И дерзну утверждать, что отец Николай своим наследием разделил историю богословия Церкви на то, что было до него и то, что последует за ним. Причем то, что могло бы быть признано следующей стадией развития экклезиологии, тем самым движением вперед, дальше отца Николая Афанасьева, вряд ли способно ограничиться только академической формой. Вот вопрос: чем бы это могло быть? Нетрудно предположить, что прорывов следует ожидать изнутри живого церковного опыта.

Развитие экклезиологии, вероятно, следует ожидать в виде соединения «экклезиологии кабинета» и экклезиологии самой жизни, и не только в виде рефлексии – но таким образом, когда Церковь развивает самосознание нового качества жизни, дарованного во Христе, изнутри самой этой жизни, и когда эта подлинно живая жизнь питается новыми прорывами ее осмысления. То есть когда евхаристическое собрание состоит не из реконструированных нормативных священнослужителей царственного достоинства, а из вполне реальных людей, которые пережили свой собственный личный переворот и, входя в Церковь, пережили реальное посвящение на служение – возможно, не всегда то осознание – и тем самым вступая в подлинно духовную, но и одновременно насквозь проблемную рискованную сферу своего нового существования, где они взаимодействуют, пытаясь осуществить ту самую власть любви, о которой говорит отец Николай. Он говорит больше гимнографически и поэтически; нам же легко предположить, что речь идет о реальном каждодневном усилии, где власть Любви медленно вытесняет власть логики мира сего, которую, увы, всякий обратившийся приносит с собой в церковную действительность.

Есть поэтому надежда, что эта новая экклезиология не просто рождается, а осуществляется на наших глазах с нашим участием, даже с нами самими как в аудиториях и на конференциях, так и одновременно в повседневности общинной и братской жизни. Есть у меня и другая надежда: что все это и самим отцом Николаем было бы узвано и признано как исполнение его чаяний.

* Имеется в виду спор о дне празднования Пасхи (II век) между Виктором, епископом Римским, и Поликратом, епископом Эфесским, в ходе которого Виктор формально отлучил епископов и паству Малой Азии за их несогласие с Римом. К счастью, епископ Лионский Ириней выступил посредником и миротворцем в этом споре и сумел убедить Виктора не нарушать мира церковного, напомнив, что Аникита, папа Римский, и Поликарп, епископ Смирнский, несмотря на то, что Рим и Малая Азия праздновали Пасху по-разному, вместе служили Евхаристию и причащались из одной чаши. Мир между местными церквами был восстановлен, при этом каждая область церковная осталась при своем апостольском предании.

«Через просвещение и личный труд можно найти путь к пониманию произошедшей с Россией беды»

Из редакционной почты

Хотелось бы остановиться на вопросе, почему сейчас люди не молятся современным святым, новомученикам.

Насколько мне удалось понять из собственного молитвенного опыта, новомученики – как живые люди (таким живым, например, стал для меня протоиерей Александр Мень), их помощь и пример – в собственном (моём) действии, поступке. Это скорее – близкие друзья, которых стыдно подвести и общением с которыми дорожишь. Прержие же святые подобны таким большим световым фигурам, изливающим благодатный свет на всех и на вся. Как такие храмы, где быть хорошо, но вечно пребывать не получается.

Таким образом, молитвенное общение с новомучениками предполагает, что человек находится в одном времени с ними, «в одной ситуации». И тут вопрос: достаточно ли хорошо и правильно осознано людьми то, что произошло в XX веке с Россией? Насколько люди

чувствуют свою причастность к произошедшему? Коснулись ли их семьи или их самих репрессии, притеснения (и так сказать, по какую сторону), или опыт жизни во враждебной среде (в коммуналке, например), или просто развито чувство сопереживания... Много ли таких, осознавших? В начале 90-х казалось, что процесс отторжения страны от тоталитарного государства затронет всё общество, но... не получилось, не удаётся пока сломать кощееву иглу... Так ли уж много, например, приходит в День памяти жертв политрепрессий к Соловецкому камню – или в основном только сами оставшиеся в живых страдальцы и их потомки и близкие? К слову, спасибо музею Ахматовой за поминальные чтения в этот день у Камня, и спасибо Преображенскому братству за организацию поминальных служб и книжных столов. Видимо, вот так – с Божьей помощью, через просвещение и личный труд можно найти путь к пониманию произошедшей с Россией беды и с тем,

что же делать теперь, сейчас. (Распространится ли такое понимание на всё общество и произойдут ли изменения на государственном уровне – гадать не берусь, надеяться – хотелось бы...) И видимо, нельзя забывать напутствия, данного в одном из стихотворений Даниила Андреева:

*Кто заветные нити
Сохранил от врага –
Наклонитесь! падите!
Поцелуйте снега,
В лоне отчего бора
Помолитесь Христу,
Завершайте Узоры
По святому холсту.*

(1950 г.)

То есть, не только обличение, но и – созидание.

С уважением, Людмила Багрянская, праправнучка Елизаветы Богоявленской, сестры Василия Богоявленского (митрополита Киевского и Галицкого Владимира, новомученика)

Митрополит Владимир (Богоявленский) (1848–1918) последовательно занимал Московскую, Санкт-Петербургскую и Киевскую кафедры. Выступал против влияния Григория Распутина на синодальные дела, в связи с чем вызвал недовольство царского двора, что привело к его удалению со столичной кафедры и переводу в Киев. 23–24 января 1918 года красные овладели Печерском. Вечером 25 января 1918 года к митрополиту, жившему в Киево-Печерской лавре, пришли пять вооружённых солдат, забрали его из покоев якобы для того, чтобы отвести к коменданту. Но вместо этого вывели его из Лавры и зверски убили между валов Старой Печерской крепости. Свидетелями произошедшего были личные келейники, прислужники, секретарь митрополита и даже несколько высокопоставленных священнослужителей, в том числе прежний наместник Амвросий, епископ Прилуцкий, викарий Полтавской епархии и епископ Фёдор (Лебедев). Никто из них не оказал митрополиту никакой помощи. На теле убитого было найдено шесть пулевых отверстий и несколько колотых ран.

Прежде чем покаяться, нужно опомниться

Интервью с протоиереем Георгием Белькиным

Никольская колокольня г. Венев. 1920–1930-е гг.

Мы вступили в год столетия событий 1917 года. Сейчас звучит много разных мнений в связи с темой покаяния за преступления, совершенные в нашей стране в XX веке. Какая позиция по отношению к этому вопросу, на Ваш взгляд, может быть названа церковной?

Чтобы делать какие-то общезначимые церковные высказывания на эту тему, лучше быть богословом, иерархом, духовным авторитетом. Или, на крайний случай, светским авторитетом, философом, политиком, публичным интеллектуалом. Поскольку я не принадлежу ни к одной, ни к другой категории, то в качестве комментария хочу рассказать недавнюю историю, которая сама по себе может характеризовать нынешнее состояние.

Лет десять тому назад, когда и общественная обстановка, и народные настроения были другими, и памятников Сталину еще не ставили, здесь в Венёве мы решили отметить место алтаря разрушенного Никольского храма, от которого осталась лишь знаменитая колокольня*. Было понятно, что храм восстанавливать уже не придется, это не по силам, дай-то Бог к колокольне подступить с реставрацией... И на этом месте, на

возвышенности в центре города, на Красной площади, поставили крест. Это было общегородское событие, Владыка приезжал освящать крест, участвовала вся местная власть, пришло множество народа. В то время еще было некое единение вокруг того, что разрушать храмы – это плохо. На плите, установленной в подножии креста, мы написали: «Сей поклонный крест поставлен в знак покаяния венёвцев в грехе богоборчества». И тогда это не вызвало ни у кого никаких возражений. Не знаю, как бы сейчас к этому отнеслись, но тогда это было принято всеми. И даже проводили в местной газете опрос, и люди в основном говорили, что да, храмы разрушать плохо и надо восстанавливать хотя бы колокольню.

Крест с этой надписью стоит вот уже 10 лет. Но, как Вы понимаете, никакого покаяния как общественного и культурно-содержательного действия не было. Даже трудно себе представить, как бы это могло выглядеть. И неожиданно в этом году 30 октября такое действие произошло: перед этим крестом мы читали имена наших венёвских репрессированных.

В Венёве такое чтение проходило второй раз. Впервые в прошлом году мы читали имена около 1-й венёвской школы. Ее новое здание построено на месте тюрьмы; у нас были устные свидетельства, что в ней расстреливали. В прошлом 2015 году там поставили небольшую табличку: «Здесь вблизи бывшего месторасположения расстрельной тюрьмы НКВД будет установлен мемориал памяти жертв политических репрессий». И вот эта табличка вызвала просто яростное сопротивление: ее противники говорили, что родители против, и дети против, и учителя против. Учительница истории выступила в газете, что, мол, конечно, были репрессии, но в 1943 году Сталин встретился с митрополитом Сергием, было восстановлено патриаршество и после этого отношения церкви и государства были нормальными. Странно, что учитель истории такие вещи говорит, но публичная дискуссия велась именно на таком уровне, и табличку эту убрали...

Поэтому пришлось перенести чтение имен ко кресту. Это по-своему логично, храм тоже пал жертвой репрессий. И там, на месте разрушенного храма, священники и прихожане читали эти имена. Мы взяли их из опубликованных баз данных «Мемориала», и набралось венёвцев 500 с лишним человек (это пока еще без всяких попыток найти имена в архивах). Я много раз пытался в местной газете опубликовать эти имена, сделать страницу, посвященную этой теме. Но единственное, чего удалось добиться, это к 30 октября опубликовать короткую подборку «Венёвский алфавит» – хотя бы по одному имени на каждую букву, 23 фамилии, краткий список. Это какая-то вещь для меня совершенно немыслимая, что люди не хотят помнить. Я в некотором смысле здесь чужой человек, не венёвский, но служу здесь больше десяти лет. Мне казалось в прошлом году, ну, вот же, никогда их не поминали, все кинутся и будут своих искать. Но нет, несчастные люди эти, получается, дважды уничтожены: и физически истреблены, и стерты из памяти...

С пастырской точки зрения мы ведь понимаем: прежде чем покаяться, нужно опомниться. А если человек в себя не пришел, то какое покаяние? Его несет дальше и дальше. Я не знаю, насколько эта история типична. Может быть, в других городах, в других местах по-другому.

Мне трудно судить. Но сама эта история показывает, что глубина поражения души народной такова, что о каких-то действиях сейчас трудно говорить. Как святитель Григорий Палама писал – молиться может только здоровая душа. То есть дискуссионным является даже вопрос о поминании этих жертв, о каких-то обычных формах памятования. И в целом пока для многих вопрос о богоборческом характере советской власти остается дискуссионным, Проханов ходит с «иконкой Сталина» и это смотрится не как чудачество странного человека, а как некая тенденция – значит, состояние умов и душ таково, что о едином движении покаяния трудно даже и говорить. Академик Лихачев говорил: проблема России в том, что огромное количество людей не захоронено. И вот ведь – даже помянуть их и то с большим трудом получается.

Знаете, у меня прадед по отцу на Соловках сидел, он был священником, а дед по маминой линии был секретарем горкома. И я чувствую, что во мне это перемешано, и для меня это повод для молитвы, в том числе и покаянной, насколько это возможно.

Конечно! Но, скажем, когда летом 2015 года была принята правительственная концепция об увековечивании памяти жертв репрессий, был очень интересный комментарий Сергея Караганова. Он сказал – важно не покаяние, а отречение. Его мысль была в том, что прежде чем эту внутреннюю работу, этот переворот душевный и умственный производить, надо отречься от преступлений режима как от прямого зла. До тех пор, пока дискуссионен вопрос о том, являются ли политические репрессии злом, что можно говорить? Получается, что кто-то еще обдумывает: безвинно уничтожать людей – это плохо или хорошо? Хотелось бы, чтобы все вокруг сказали, что убивать без вины нельзя, это преступление. Но так говорят не все. Церковь прославила новомучеников, прославила царственных страстотерпцев. Да, есть разные идейные и мировоззренческие настроения, но разве в церкви кто-то отрицает понятие греха, понятие преступления? А в обществе разговор часто идет по-другому. Мы говорим: «Хотим память безвинно убиенных увековечить», а руководитель венёвских коммунистов отвечает: «Нет, этого не нужно делать, потому что вы дискредитируете товарища Сталина». Вот уровень.

В том же, что касается если не общенародного, то хотя бы общецерковного покаяния, должно быть общее решение, надо ждать, пока возникнет согласие. Потому что если есть согласие, значит, Дух Святый даровал. Вот Вы о себе заговорили, но я тоже о себе могу сказать. Я из совершенно советской семьи и помню, 30 лет назад, 20 лет назад для меня эти темы были какими-то фантастическими, непонятными, но постепенно все созревает. И к этому надо с терпением отнестись.

Беседовала Анастасия Наконечная

* Николаевская колокольня — в прошлом самое высокое сооружение в Тульской области. Никольский храм, спроектированный архитектором К.С. Сокольниковым, начали строить в 1800 году на средства бывшего коломенского крестьянина Матвея Ярцева, ставшего московским купцом-миллионером, других его земляков и пожертвований всех горожан. Церковь сильно пострадала во время обстрела города в 1941 году и после войны городские власти решили ее снести, а колокольня чудом уцелела.

От составителей

Христианству на территории Молдовы больше 1600 лет – со времен римской провинции Дакии в IV веке. Сегодня православная церковь Молдавии – это самоуправляемая часть РПЦ. Для нас важно, что, хотя многие священнослужители и миряне пострадали во время советских репрессий, церковная традиция не была уничтожена в советское время. Возможно, это связано с тем, что Молдавия была присоединена к СССР только в 1940 году.

Близость истории мы чувствуем очень хорошо. Например, наш великий святой Паисий Величковский жил в разных монастырях на территории Молдовы (сейчас это современная Румыния), а наше братство уже 5 лет проводит конференции по благословению митрополита и при поддержке монастыря, основанного учениками прп. Паисия – Свято-Вознесенского Ново-Нямецкого Кицканского монастыря.

Мы очень ценим наши духовные корни, изучаем жизнь и наследие прп. Паисия, который во всем старался возрождать глубокую церковную

традицию и был всегда соединителем культур. Не случайно в его общину входили монахи около 10 национальностей, и это никому не мешало, наоборот, богослужение велось на разных языках. Сам же Паисий основал целую переводческую школу, перевел многие святоотеческие труды на валахский язык, гораздо более понятный его современникам, чем греческий. Его переводческая традиция была основана на живом церковном опыте: он считал, что невозможно переводить богослужебные тексты адекватно, если ты не живешь по Евангелию. Именно благодаря старцу Паисию впервые было переведено на церковнославянский язык Добротолюбие.

Для нас все это большое вдохновение для сегодняшней жизни в церкви. Мы надеемся, что паисиевский дух и сегодня помогает нам находить живые духовные связи, способствовать возрождению в церкви ее лучших традиций. Особенно нам дорого, что у прп. Паисия было православное братство, которое он с благоговением называл Святым собором.

Инна Саулова, председатель Свято-Паисиевского малого православного братства, Кишинев

Герб Кишинева

«Любой православный христианин, если он живет по Евангелию, в какой-то мере уподобляется апостолам»

Интервью с архимандритом Паисием (Чеканом), настоятелем Свято-Вознесенского Ново-Нямецкого Кицканского монастыря

Отец Паисий, скажите, пожалуйста, есть ли сегодня, на Ваш взгляд, необходимость возвращения к святоотеческому богословию? Насколько церковные люди готовы его воспринять?

В первую очередь, конечно, пастыри и священнослужители должны понимать его суть. Вспомним слова одного из учителей Церкви: «Истинный тот богослов, который истинно молится». Пастыри в Православной Церкви призваны быть молитвенниками, чтобы они правильно, истинно, искренне верили и молились, и, таким образом, были наставниками для своей паствы. Если священник будет усердно молиться, это поможет ему в своем поведении, в наставлениях, в вере уподобляться истинному Пастырю, и он будет примером для своей паствы. Мы все должны, как знаем из Евангелия, быть «солью земли и светом миру» (Мф 5:13–16). Мы должны молиться и быть богословами именно в этом смысле в первую очередь.

Можно, конечно, говорить красиво о Боге, о Церкви, о вере, не живя этой жизнью. Это будет ложным, внешним показателем. Слова должны всегда исходить из сердца, из души, а если не будет этого, люди нас просто не услышат. Поэтому мы сами должны жить по вере и находиться в лоне Православной Церкви. Церковь – это собрание верующих людей, и глава Церкви есть Христос. В Церкви Он оставил нам таинства, без которых мы не сможем войти в Царствие Небесное – слава Спасителю нашему и Господу! Поэтому, находясь в лоне Православной Церкви, живя и поступая по Евангелию, выполняя требования Церкви, мы будем на правильном пути. Так мы все в какой-то мере будем являться и сможем назвать себя богословами и апостолами. Не только священники, но и любой православный христианин, если он живет по Евангелию, – а он должен так жить! – в какой-то мере уподобляется апостолам. Евангелие – это учение нашего Господа,

а мы – Его последователи и дети в Церкви Православной. Насколько возможно любому человеку, он должен быть проповедником Слова Спасителя – Благовестия, Евангелия.

Мы призваны уподобляться апостолам, стать равными апостолам – и это очень важно – в проявлении нашей веры. В первую очередь важна вера, а потом уже – наши дела, поведение, все то, что исходит от любого православного человека, конечно, не говоря уже о священнослужителях. Вот поэтому в том, что наши предшественники оставили нам такое неоценимое сокровище, святоотеческое наследие, мы полностью усматриваем промысел Божий.

«Любой православный христианин, если он живет по Евангелию, в какой-то мере уподобляется апостолам»

Преподобный Паисий Величковский

А в чем, на Ваш взгляд, актуальность наследия прп. Паисия?

Преподобный Паисий Величковский – мой личный покровитель и покровитель нашей святой обители: наш монастырь основали его ученики, и, конечно, их традиции перешли и к нам. Господь воздвигал и поставлял таких людей, чтобы не пришло совсем в упадок монашество, как это было в XVIII веке. Этот человек искал с детства: был и в братском монастыре под Киевом, потом, услышав о старце в Молдовах, туда пошел, потом перебрался на Афон. Искал там духовных людей и даже на Афоне не смог найти таких. Упова на волю, на промысел Божий, он стал сам изучать святых отцов. Изучил, насколько это было возможно, греческий язык, и начал искать книги. В первую очередь он начал переводить «Добротолюбие». Что касается

его наставничества, старчества, то он его избегал. Преподобный Паисий долгое время не хотел принимать своего ближайшего ученика. Говорил: «пусть он возле меня побудет, вместе будем помогать друг другу». Здесь есть очень важный момент – он не надеялся на свои силы, на свой разум, он искал. И то, что искал, он обрел в творениях святых отцов. Господь так промыслил о прп. Паисии Величковском, чтобы он вернулся обратно в Молдову. К тому времени у него было уже много учеников – за 17 лет пребывания на Афоне около него собралось 64 человека. Они увидели в нем истинного пастыря, ревнителя, наставника.

Все мы нуждаемся в пастырстве, потому что человек – это немощное существо. Только Господь совершенный и безгрешный. А все мы нуждаемся, конечно, в поддержке, в помощи, и в первую очередь в том, что касается нашей духовной жизни. Поэтому мы и собираемся на такие конференции, как нынешние Паисиевские чтения. Видно, как люди готовятся и усиленно работают над докладами, как все пропускают через себя. Чувствуется, что они являются православными людьми. По-другому и нельзя, потому что от избытка сердца глаголют уста. Все эти темы пропущены через их душу и очень актуальны: Церковь жива, и святоотеческое богословие не может устареть. Понятно, что все мы немощные, но то, что мы вспоминаем древних отцов, наших предшественников – это очень хорошо.

В любом периоде истории, в разные столетия были самые разные проблемы. Наш долг как православных людей, христиан, самим жить жизнью церковной, истинной, православной. И не на словах, не ради галочки, не ради буквы, а именно так, как учит нас Господь –

по Евангелию. Живя по Евангелию, человек спасает и себя, и людей вокруг себя. Очень важно быть на своем месте и спасать тех, с кем мы общаемся, с кем мы живем, потому что – и это я еще раз повторю – мы должны быть примером для окружающих нас, образцом.

О. Паисий, как Вы думаете, насколько Паисиевское наследие, о котором Вы говорили, может быть воспринято?

Это зависит от самого человека, от его внутренней подготовки, от его жизни в церкви. То, что мы унаследовали от наших предшественников, – это то, чем они жили с первых веков и по сей день, поэтому оно не может устареть. Христос вчера и сегодня и вовеки – тот же. Поэтому в любом столетии, в том числе и в наш технический век, православные люди должны почерпнуть даже из тех новшеств, что появляются, то, что полезно для души. Любая вещь может стать, если относиться к ней с пристрастием, предметом идолопоклонства. Мобильный телефон мы вынуждены использовать для общения, а если – не дай, Господь! – смотреть в нем всякое, тогда будет вред и для души, и для плоти. Все зависит от самого человека.

Все зависит от целей?

Конечно. Во все времена будут свои искушения и испытания. Враг человеческий не дремлет, он ставит препоны. На все воля Божья, а мы же должны идти по вере, через терпение, смирение, нести ее через свои подвиги. С молитвой. Без молитвы – никак.

Беседовала: Светлана Избаш

Впервые опубликовано: Материалы IV Международной богословско-практической конференции «Паисиевские чтения»: Возвращение святоотеческой традиции богословия в жизни и трудах преподобного Паисия Величковского. 23–25 октября 2015. Молдова. – Кишинев: Православное братство во имя прп. Паисия Величковского, 2016. С. 137–140.

Жизнь как проповедь

Отец Василий Кулеш прожил большую, трудную и благословенную жизнь, до самого конца оставаясь странником Божьим. Родился он на Украине в 1924 году в крестьянской семье, был одним из троих детей. В 1944 году попал на фронт.

«В начале войны ему было только 17 лет. Уже когда фронт шел обратно, через его село, сначала немецкий, а потом и советская армия – его заметил военкомат. «Готовый солдат», – сказали. Дали, он рассказывал, один сапог 44 размера, другой – 39. Ему посоветовали – «тот, что маленький – разрежь немного, под тот, что шлепает – побольше портянок натяни». Так и воевал», – поделился о. Виктор Курка, духовное чадо о. Василия.

Впервые решился пойти в церковь он только после войны, хотя искал богообщения с малых лет. По рассказам

самого о. Василия, он молился в детстве тайком, под одеялом. В церковь он пришел сам, ничего толком еще не зная, хотя мама с детства читала ему и его братьям Евангелие. Довольно быстро он решил поступать в семинарию. Как только стал известен список кандидатов в семинаристы – начались первые искушения. Его отца, коммуниста, вызвали в райком.

«Его отцу поставили условие: «Или ты оставляешь свою семью, разводишься с женой и отвергаешь своего сына как сына, или мы выгоняем тебя из партии и ты лишаешься работы». Он пытался отговаривать своего сына, но тот был непреклонен, – рассказывал о. Виктор Курка. – В конце концов, отец бросил семью, женился на другой женщине, переехал в другой город, где и стал начальником. После этого ни разу в жизни батюшка его не видел».

Уже будучи священником, о. Василий узнал адрес своего отца и приехал с ним повидаться, но тот к нему даже не вышел. Несмотря на это, о. Василий всегда его поминал и всегда о нем сугубо молился.

Отец Василий поступил в Одесскую духовную семинарию, учился там, потом – в Ленинградской и Московской духовных академиях, куда попал отчасти из-за того, что пытался скрыться от одесского КГБ. Его учителями были о. Виталий Боровой, о. Иоанн Конюхов, митр. Леонид (Поляков).

Его скитания продолжились и по окончании учебы. Он служил во множестве храмов Украины. В одесских храмах среди его прихожан были известный офтальмолог, академик Владимир Петрович Филатов, ученый-астроном, монахиня Елена (Казимирчак-Полонская) и многие другие. Но, по рассказам батюшки, безбожная власть переводила его из храма в храм, чтобы не дать прорасти живым связям между людьми. Было даже такое, что за один год о. Василия заставили поменять шесть мест служения. К тому времени у него уже была собственная семья, трое детей. Но это было не единственное искушение. Батюшка рассказывал, как однажды его пытались завербовать в осведомители КГБ. Завели вглубь поля кукурузы, где стебли выше головы, и, грозя оружием, требовали согласия на сотрудничество. Священник отказался, и его скитания с места на место продолжились.

В 2001 году по приглашению украинской общины о. Василий приехал в Кишинев и со временем стал настоятелем Владимирского храма. С каждой службой количество прихожан в этом храме увеличивалось. По многим свидетельствам, относились к нему необычайно благоговейно, ловили каждое его слово. Здесь состоялось знакомство о. Василия со Свято-Паисиевским братством...

В 80 лет о. Василию вновь пришлось поменять место служения. Его новым церковным домом стал Покровский храм в украинском селе Старая Богдановка на юге Молдовы. Приход там был запущенный, церковь – старая и полуразрушенная.

«Батюшка трудностей не боялся. Он шел, и все у него как-то получалось. Действительно под покровом был Божьей Матери или Господь милостиво своей его ограждал. Когда мы приехали и посмотрели на всю эту разруху... Когда и как все это привести в порядок? Но глаза боятся, а руки делают. Батюшка брался и делал – своими руками, и все у него спорилось», – рассказывала Галина Ивановна, духовное чадо и верная помощница о. Василия в его последние 15 лет жизни.

По приезду в Богдановку о. Василий сразу заказал новые окна, потому что в церкви не было ни одного целого стекла. Починил отмокшую, нашел людей, чтобы восстановить купол. Он очень любил цветы, посадил их, ухаживал за ними. Везде, где батюшка служил, было заметно, как расцветало и светлело пространство вокруг, умножалась красота.

Проповедь и пастырство

Особым даром о. Василия был дар проповеди. Его горячее слово всегда находило путь к сердцу того, к кому оно было обращено.

«Когда он говорил, все были включены в его слово. Сейчас часто можно встретить в храмах, что, когда священник говорит проповедь, кто-то разговаривает, кто-то отвлекается на второстепенные вещи. Когда говорил о. Василий, все были настолько включены в его слово, что невозможно было оторваться: можно было лишь дослушать до конца, а потом выдохнуть. Вся его проповедь произносилась на одном дыхании», – делился своими воспоминаниями Сергей Бурлака, служивший алтарником у о. Василия во Владимирском храме Кишинева.

«Он беседовал со всеми, кто приходил к храм, даже случайно, как свидетели на венчание, например. После общения с ним они начинали ходить в храм. Он не упускал случая, чтобы еще одну заблудшую овцу возвратить в стадо. Си-

О. Василий Кулеш и братья и сестры Свято-Паисиевского братства. 2012 г.

дели за столом после похорон – он вставал со словами «вы кушайте, кушайте, я буду говорить». И шла постоянная катехизация. Он всегда находил повод, вне зависимости от ситуации», – рассказывал о. Виктор Курка. Находясь на служении в Богдановке, о. Василий ходил в местную школу и преподавал детям закон Божий. На тот момент ему уже было 85 лет.

За годы общения с батюшкой проявилось еще одно особое его качество – общинный настрой, личностная обращенность к людям, к каждому человеку.

«По тем трапезам, которые совершались после Литургии, по встречам, на которые он нас приглашал, по тому, о чем он говорил и как собирал разных людей, видно, что он был настоящим общинником. Он никогда не был приходским священником, который просто совершает требы, а потом отдыхает. Он всегда хотел и жаждал продолжения общения. Даже тогда, когда у него не было сил. Все равно он собирал людей на трапезу, делился духовными впечатлениями от молитвы или прочитанного», – рассказывал Сергей Бурлака.

Явным свидетельством общинного духа, которого искал и который созидал о. Василий, было то, что его многочисленные духовные чада часто сопровождали его в скитаниях. Куда бы его ни переводили, где бы он ни служил, многие все равно тянулись за своим любимым пастырем, а он всегда с радостью их встречал.

Последние годы

«Даже в последние годы он всегда радовался приездам своих духовных чад, буквально оживал, общаясь с ними. Несмотря на все свои болезни, немощи и усталость», – вспоминала Галина Ивановна.

«В последние годы он часто думал о своей кончине и вспоминал своих учителей, протоиерея Иоанна Конюхова, – рассказывает о. Виктор. – “Он, – говорит, – служил Литургию, закрыл царские врата, причастился, проповедь сказал, упал и умер. Я бы тоже так хотел”».

Вся жизнь о. Василия была проповедью, свидетельством необыкновенной собирающей силы духа и радости, и даже смерть стала проповедью веры и жизни. Батюшка был и остается верным, благодатным служителем Слова Божьего, горячим проповедником любви ко Христу и Его Церкви.

Ольга Гнаткова, Юлия Патракова, Светлана Кирьяк
Фото Игоря Бурдиенко, Анастасии Плетенской

Полностью материал опубликован на сайте Преображенского братства

Евфросиния Керсновская и другие жители Бессарабии: примеры жизни по совести

Из доклада профессора Аурела Маринчука на Паисиевских чтениях

Для нас, педагогов, занимающихся воспитанием человека не только как специалиста, но и достойного гражданина, и культурного человека, известно, что есть 7 факторов его формирования: семья, школа, церковь, великая мировая литература, пресса, улица, а также примеры великих людей. Сегодня хочется вспомнить о моей землячке Евфросинии Антоновне Керсновской.

Начну с ее происхождения. Со стороны отца ее предками были польские графы и австрийская баронесса; со стороны матери – глава Греческой общины Константинополя Иоанн Каравасили, ныне канонизированный Греческой церковью. Он был повешен в 1821 г. на канделябре кафедрального собора Святой Софии во время греческого восстания против турок. Дедушка был депутатом Румынского парламента до 1878 г. и в 1900-х гг. участвовал в работе Государственной думы Российской империи. По отцовской линии всех старших сыновей называли Антонами. Антон первый – профессор медицины в Вильнюсе, Антон второй – военный врач, который за успехи в борьбе с холерой получил графский титул, Антон третий – военный инженер, поселившийся после отставки в своем имении недалеко от г. Сороки в Бессарабии.

Старший сын Антона третьего – Антон четвертый – является отцом Евфросинии Керсновской. Он был юристом-криминологом, жил с семьей в Одессе, слыл честным и неподкупным следователем, не лицепритворялся ни перед бедными, ни перед богатыми. С помощью человека, знающего о его честности и неподкупности, он в годы гражданской войны спасся и перебрался в Бессарабию, которую называли в то время «царством бояр и капиталистов».

Мать Евфросинии, Александра Алексеевна, преподавала французский язык в Сорокском лицее и была преподавательницей моей мамы. Старший брат Евфросинии, Антон пятый, получивший образование в Вене и Дижоне, написал известную до сих пор в кругах военных специалистов историю Русской армии и историю 11 турецких войн, 8 из которых проходили на нашей территории. Умер во Франции от ран в 1944 г.

В 1864 г. царь Александр II, освободитель крестьян, распорядился о создании земств с местным управлением. Надо сказать, что во всей Российской империи земства в Бессарабии по развитию и условиям жизни были лучшими, а в самой Бессарабии лучшим уездным земством было Сорокское. Благодаря министру народного про-

свещения Российской империи Леону Кассо, владельцу богатых родовых имений в Сорокском уезде (с. Чутулешть), и энтузиазму образованных, интеллигентных людей – в небольшом уездном городке Сороки были открыты три классические гимназии (мужская теоретическая, женская теоретическая, мужская техническая), педагогическое училище и училище изящных искусств.

В Сороках было около 100 высокообразованных людей, среди которых видное место занимали родители Евфросинии Керсновской. Евфросиния, кроме гимназического, получила домашнее энциклопедическое образование. Родители привили ей любовь к литературе, музыке, живописи. Она свободно владела французским, немецким, румынским языками, говорила на английском, испанском, итальянском языках. По характеру была задиристой, при этом сострадательной и отзывчивой девушкой. Не было ни одной бедной или нуждающейся семьи, обходившей её помощью, вниманием и участием.

После большевистского переворота в соседней Украине с 1917 г. по 1920 г. двенадцать раз менялась власть. Народ бедствовал, свирепствовали грабежи и голод. Многие люди нелегально переходили границу через Днестр и «под гнетом бояр и капиталистов» находили прибежище и жили совсем неплохо. Когда в 1940 г. в Бессарабию вошла Красная Армия, Евфросиния удалось отправить свою мать в соседнюю Румынию, где она с 1944 по 1947 гг. проживала при королевском дворе, т. к. была подругой одной из дочерей королевы Марии. После свержения короля, с 1947 г., мама Евфросинии приютилась в семье академика Константина Пархона, президента Академии Наук, номинального главы правительства Румынии.

Евфросиния Антоновна не захотела покидать родную страну – осталась разделить участь своего народа. Когда их с матерью в одном домашнем халате и тапочках выгнали из родного дома, она не сдалась. Зарабатывала на жизнь тяжелым физическим трудом, воочию показывая большевикам, как воплощается в жизнь их любимый лозунг: «Кто не работает – тот не ест». Во всех ситуациях своей жизни (вы, надеюсь, читали её воспоминания) никогда не покривила своей совестью. Была депортирована. В поезде помогала и поддерживала больных и слабых. Я познакомился с половиной этих людей, ехавших с ней в одном и соседних вагонах, вернее, в теплушках – вагонах для перевозки

скота, – в нечеловеческих условиях. Как настоящий инок, Евфросиния прошла ад сталинских тюрем и лагерей, всюду поступая по правде, и осталась чудом живой. Ей неоднократно говорили и однокамерники, и конвоиры: «За тебя кто-то сильно молится».

После освобождения, в 1957 г., живя и работая в Норильске, Евфросиния Антоновна поехала в отпуск на родину в Сороки и случайно, по запаху приготавливаемого по особому рецепту абрикосового варенья (рецепт которого знала и её мама), нашла Елену Георгиевну Смолинскую, урожденную Моружи (мою учительницу математики, происходившую из княжеского рода Моружи). От неё она узнала, что после 17 лет разлуки мать её жива и разыскивает дочь. Была в большом потрясении, увидев, как разорен голодом 1946 г. и депортациями некогда цветущий родной край. Больше с тех пор Евфросиния Антоновна его не посещала. В 1960 г. она соединилась с матерью, вместе с ней переехала в Эссенути, и та уговорила дочь написать воспоминания о пережитом. Мемуары Евфросинии Антоновны состоят из 2,2 млн букв и 680 рисунков. Она хранила свои тетради у надежных людей. В 1990 г. были изданы её воспоминания на немецком, английском и французском языках, которые она увидела при жизни и держала в руках. В 1991 г. был издан альбом «Наскальная живопись», где размещено 350 иллюстраций. В 2000–2001 гг. в России был издан шеститомник воспоминаний Е. Керсновской.

28 января 2008 года в Доме русского зарубежья им. Александра Солженицына проходил вечер памяти, приуроченный к 100-летию со дня её рождения. Александр Солженицын когда-то с сожалением писал: «Где тот художник, который отобразил бы всё происходящее в то страшное время?!» Ответ был на этом вечере – большой, во всю стену, портрет Евфросинии Керсновской!

